

A man with a beard and short dark hair, wearing a light beige suit jacket over a white shirt, stands on the left. A woman with long blonde hair, wearing a light pink V-neck dress, stands on the right, leaning against a white door frame. The background shows a doorway leading to a room with a lamp and curtains.

Арина
Арская

РАЗВОД

ТЫ МЕНЯ ПРЕДАЛ

Арина Арская

Развод. Ты меня предал

«Литнет»

2023

Арская А.

Развод. Ты меня предал / А. Арская — «Литнет», 2023

— Да! Черт возьми! — голос Матвея вибрирует гневом. — Я спал с ней! Но мы предохранялись! Закусываю губы и задерживаю дыхание, чтобы не сорваться в истерику. — И у нее бесплодие, — в черной злобе шипит Матвей. — Она лжет, Ада. — Даже если беременность под вопросом, — шепчу я, — то это не отменяет того, что ты мою подругу... Боже... — накрываю лицо рукой и отворачиваюсь. — Я не хочу ничего больше слышать. Вы оба омерзительны. — У нас с тобой, дочь, Ада, — делает шаг ко мне. — Подумай о ней. *** Моя лучшая подруга беременна. От моего мужа, с которым мы воспитываем дочь-подростка. Вчера мы были образцовой семьей, а сегодня всё катится прямо в ад. И нас ждет развод, а после... Какая жизнь нас ждет после? *** Героев ругать можно, но не автора.

© Арская А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1. Замолчи!	5
Глава 2. Пап, что случилось?	8
Глава 3. Она лживая гадина	11
Глава 4. Нет, не позволю...	14
Глава 5. Все плохо?	17
Глава 6. Наша дочь тебя не простит	19
Глава 7. Брюхо вскрою	22
Глава 8. Ведьма	25
Глава 9. Главное - пережить эту ночь	28
Глава 10. Он не мог так поступить	30
Глава 11. Очень честная мама	32
Глава 12. Может, тебе к мозгоправу?	34
Глава 13. Месяц тяжелый	37
Глава 14. Первый шаг мы сделали	39
Глава 15. Ты - слабак!	41
Глава 16. Чуйка	43
Глава 17. Но не от тебя	45
Глава 18. Получай, гадина	47
Глава 19. Ошибки взрослых и детей	49
Глава 20. Спустила пар	51
Глава 21. Пришел спасать?	53
Глава 22. Нельзя так любить	55
Глава 23. Я в твоей голове	58
Глава 24. Неожиданно	60
Глава 25. Она от нас не отстанет, крыса	63
Глава 26. Я знаю, что ты дома	66
Глава 27. Всё было не так	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1. Замолчи!

— Я, кажется, беременна, — шепчет Ия, закрывает глаза и продолжает еще тише, — от твоего мужа, Ада.

За долю секунды я испытываю радость за лучшую подругу, которая давно мечтает о ребенке, немое недоумение и шок.

Может, это шутка такая?

— Прости, — сипит она, а я откладываю ручку и закрываю ежедневник, в котором минуту назад сделала пару заметок. — Я не хотела... так получилось, Ада, — всхлипывает и поднимает на меня взгляд, — Мы не хотели...

— Самое время сказать, — медленно выдыхаю я, — что это глупая шутка.

— Нет.

В ушах нарастает звон, который обращается в гул, а затем все обрывается тишиной, в которой я слышу, как бьется мое сердце.

— Ада... Ада!

Голова кружится. Под носом и на губах мокро. Чувствую вкус соленого железа.

— Ада...

Ия бледнеет, хватается салфетку и протягивает мне. Касаюсь губ. На пальцах — кровь. Алая.

— Ада...

— Замолчи.

Встаю. Ноги, будто чугунные. Тяжелые и не гнутся.

— С вами все в порядке? — ко мне подсакивает молодой официант.

Не больше двадцати. И мой муж когда-то был таким. Неловким, угловатым и вихрастым.

— Где уборная?

— Прямо и налево.

— Спасибо.

Касаюсь его плеча, отодвигая в сторону, и на его белом рукаве остается пятнышко крови.

— Может, скорую?

— Нет, — шепчу я. — Это давление...

Дышать тяжело, кровь стекает уже на подбородок. На меня обращены десятки испуганных и растерянных взглядов. Я испортила людям ранний ужин.

В уборной набираю в ладонь холодной воды. Промываю нос от крови, затем смачиваю салфетки.

— Ада... — в уборную проскальзывает Ия, прижимая к груди мой ежедневник.

Запрокидываю голову и прикладываю холодные салфетки к носу.

— Ты в порядке?

Закрываю глаза. Тошнит. Мы с ней дружим с первого класса. Двадцать пять лет.

— Ада...

— Умоляю, скажи, что это розыгрыш, — сдавленно отзываюсь я. — Что это шутка... Ия... умоляю...

Из тридцати двух лет моей жизни двадцать пять я знаю Ию. Она стала не просто подругой за это время, а частью моей семьи.

— Нет, это не шутка, Ада. Матвей и я...

— Нет, — шепчу я и выкидываю окровавленные салфетки в урну. Опираюсь дрожащими руками о раковину. — Нет, — выдыхаю и кричу, — Нет! Нет! Нет! Ты не могла!

Разворачиваюсь к Ие, которая всхлипывает и вся съеживается:

— Нет! Вы не могли! Ты лжешь!

Нет, не лжет. Прижимаю кулаки ко лбу, медленно выдыхаю и сипло шепчу:

— Только не он... Только не Матвей... Нет, Ия... Господи...

— Мне жаль.

— Жаль? — растерянно переспрашиваю я.

— Я его люблю, Ада, — опускает взгляд. — И мне правда жаль... Я не хотела...

— Пошла прочь...

Я знать не хочу, как долго она меня с Матвеем обманывала. Не сейчас. Сейчас я едва стою на ногах, а мысли гнилой черной массой растекаются в голове.

Меня предали два самых близких человека. На одного я потратила двадцать пять лет, а с другим прожила четырнадцать лет в браке. И я думала, что в счастливом и крепком браке.

— Я ему еще не говорила, — сипит Ия. — Матвей еще не знает.

— Оставь меня, — хрипло отзываюсь я и чтобы не упасть, приваливаюсь спиной к холодной стене.

— У нас случайно все закрутилось, — по ее бледным щекам текут слезы. — Ада... я не хотела делать тебе больно. Не хотела, — опять всхлипывает, — и Матвей не хотел. Так получилось... Я не хочу тебя терять... У нас все так сложно...

Я хочу схватить ее за волосы и ударить лицом о кафель. Так сильно, чтобы разбить нос.

— Ада, и я так ребенка хотела. У меня ведь никого нет...

Мерзкая дрянь. Продолжает и продолжает вгонять в мое сердце ржавые гвозди.

— Мне было так плохо все это время, Ада. Я тебе в глаза не могла смотреть.

— А сейчас можешь?

— Я понимаю, — кладет мой ежедневник у раковины и отступает к двери, — тебе нужно время. Ада... Я люблю тебя. Ты же знаешь, я за тебя в огонь и в воду.

— И в кровать к моему мужу, — блекло шепчу я и не моргаю. — Очень самоотверженно. У меня аж слов нет...

— Мы потом поговорим.

Выходит, бесшумно прикрывая за собой дверь, а я сползаю на пол. В кармане пиджака вибрирует телефон. Бездумно выхватываю его и несколько секунд пялюсь на фотографию дочери и ее имя.

— Да, Лиля? — прикладываю телефон к уху.

— Ма, ты освободилась?

Сглатываю кислую слюну и медленно закрываю глаза. Голос у Лили немного скучающий.

— Мы с папой за тобой заедем, — продолжает она. — Ты на работе? Да? Мам. Ты тут?

— Тут... — шепчу я.

— Так что, ты еще в школе?

— Я в кафе, — массирую переносицу. — Я сама домой доберусь, солнышко. Решила перекусить.

— Па! Прикинь! — возмущенно охает Лиля. — Мама в кафе и без нас хакает! Мы тут голодные, холодные, а она без нас!

— Какая бессовестная у нас мама, — смеется Матвей на стороне.

У меня от его голоса с тихой хрипотцой холодные мурашки бегут по коже.

— Ничего не знаю, — фыркает Лиля. — Мы едем к тебе. Где ты? Мам! Мама! Я не отстану. Я дико жрать хочу. Пиццу закажешь? Там есть пицца? Должна же быть. Да? И картошку фри закажи. Большую порцию. Ладушки?

— Лиля...

— О! И молочный коктейль хочу! Ванильный!

— Она сейчас начнет обивку жевать, Ада, — со смехом отзывается Матвей. — Где ты?

Сдаю свои позиции. Хочу посмотреть в его глаза. Судя по его хорошему настроению, смеху, Ия не успела его обрадовать новостью, что он опять станет папой.

— Так мы тут рядом, — в тихом и голодном предвкушении отвечает Лиля.

— А мне стейк закажи и кофе, — Матвей зевает. — Целую, Ади. Не скучай. Скоро будем.

Глава 2. Пап, что случилось?

— Мы видели тетю Ию, — Лиля плюхается на стул. — Я ей покричала в окно, но она не услышала.

Лиле тринадцать. Немного неуклюжая, и прячет себя за безразмерными толстовками и широкими штанами.

— Я папу просила посигналить, но он не стал, — Лиля недовольно морщится.

Матвей наклоняется, целует меня в висок и улыбается:

— Привет.

— Мы могли бы взять ее с собой и все вместе поужинать, — Лиля голодно высматривает официанта с пиццей.

— Это была не она, — Матвей ослабляет галстук и усаживается за стол.

— Она. Это была тетя Ия, — Лиля упрямо хмурится.

Матвей не выглядит сконфуженным, встревоженным или взволнованным. Он спокоен, и я не вижу в его глазах вины или сожаления.

— Ты что-то бледная, — он вглядывается в мое лицо.

— Давление. И устала.

— Да, блин, где наша еда? — Лиля нетерпеливо похлопывает по коленям и переводит на меня голодный взгляд. — Ты же сделала заказ?

— Да.

— Все как я просила?

— Да.

— Тогда ждем, — кусает губы. — А пиццу с чем заказала?

— Как ты любишь, с копченым колбасками.

— Круто.

— Она мне весь салон слюнями залила, — Матвей находит под столом мою руку и мягко ее сжимает.

К горлу подкатывает тошнота. Хочу его оттолкнуть, плюнуть в лицо и с криками перевернуть стол.

— Ма, смотри, — Лиля сует мне под нос телефон. — Красивые?

На фотографии — белые с розовой и толстой подошвой кроссовки.

— Симпатичные, — с трудом выдавливаю из себя.

— Купим? — в восторженном ожидании смотрит на нас и боится дышать.

— Ладно, — милостиво вздыхает Матвей. — Купим.

Лиля взвизгивает, прячет телефон в карман и расплывается в довольной улыбке:

— Круто! Клевые же!

— И стоят как крыло самолета, — Матвей откидывается назад.

— Но клевые же!

— Пошли руки мыть, модница, — Матвей выпускает мою ладонь, встает и направляется к уборным мимо столов.

Лиля вскакивает и кидается за ним. Налетает на него, виснет на его плечах и возбужденно его убеждает:

— Они клевые! Ты просто ничего не понимаешь!

Что нас ждет? Моя дочь сейчас пребывает в счастливом неведении. У нее есть папа и мама, которые любят друг друга, и будут клевые модные кроссовки. И она всего этого лишится. В таком нежном и хрупком возрасте. Это она должна сейчас бунтовать, хлопать дверьми, скандалить и совершать ошибки. Не мы.

— Вы в порядке? — спрашивает официант и ставит в центр стола горячую, аппетитную пиццу и косит на меня обеспокоенный взгляд.

Я сейчас расплачусь. Сжимаю ладони на коленях в кулаки и тихо отвечаю:

— Все в порядке.

— Сейчас остальное принесу, — неловко улыбается.

Я киваю и закрываю глаза, желая исчезнуть. Мой брак дал глубокую трещину и начинает рассыпаться. Час назад у меня было все прекрасно и безоблачно, а сейчас я тону в черной грязи отчаяния.

— Пицца!

Меня из мрачных размышлений выдергивает Лиля. Хватает кусок пиццы, кусает ее, заталкивает в рот картошку фри и запивает молочным коктейлем.

— Папа застрял, да? — бубнит она с набитым ртом. — А в женском, похоже, кому-то морду начистили.

Вопросительно приподнимаю бровь.

— Куча окровавленных салфеток, — с трудом глотает, присасывается к трубочке и шепчет, — либо кто-то вены пытался вскрыть? Хотя, — отмахивается, — вряд ли. А ты чего не ешь? — придвигает блюда с пиццей. — Ешь. Вкусненько, — хитро щурится, — или ты на диете?

— Нет.

Моя милая девочка. Как мне тебя защитить от жестокой жизни, в которой твой отец имел связь с близкой к нашей семье женщиной. Я не хочу, чтобы тебе было больно. Ты ведь так любишь отца. Он для тебя пример. Идеал. И ты всегда была папиной дочкой.

— Диеты — это полная фигня, мам, — Лиля жует пиццу. — И тебе совсем не надо худеть. Ты же красотка. И папа со мной согласен.

Матвей выходит из закутка с уборными. Останавливается у большой напольной вазы, из которой торчат сухие ветки, выкрашенные в белый цвет. В руке сжимает телефон и смотрит на меня. В глазах — черная тень.

Ия, видимо, ему позвонила. Не смогла сдержаться. Это ведь такая радость. Она беременная. У нее скоро будет милый пухлосекий малыш от моего мужа.

— Пап! — Лиля оглядывается и машет рукой. — Что ты там застрял? Сейчас все остынет!

Мое сердце сейчас качает не кровь, а черную слизь, которая забивает вены ненавистью и отвращением. Ия не лгала. Я вижу это по глазам Матвея. Он действительно спал с моей лучшей подружкой.

Стук сердца вторит его шагам, и я не разрываю зрительного контакта. Мой бесконечно любимый муж, с которым я засыпала с улыбкой, меня предал. И с кем! С той, для которой двери нашего дома были всегда открыты. С той, которая стала крестной мамой для нашей дочери.

Возвращается за стол, откладывает телефон и берет вилку с ножом. Переводит взгляд со стейка на меня.

— Средней прожарки, — тихо отзываюсь я, тоскливо всматриваясь в его потемневшие глаза. — Как ты любишь.

Вздрагиваю от звука, который имитирует щелчок затвора на фотоаппарате.

— Вы такие милые, — шепчет Лиля, наведя на нас камеру смартфона. — Улыбнитесь. Ну!

Еще один щелчок, и Матвей глухо говорит:

— Лиля, хватит.

Новый щелчок, и Матвей повышает голос:

— Лиля.

Поднимает взгляд с экрана телефона. Едва заметно хмурится, уловив между мной и Матвеем напряжение.

— Пап? Что-то случилось?

Глава 3. Она лживая гадина

— Пап... Мам...

Лиля переводит взгляд с Матвея на меня и медленно прячет смартфон в карман толстовки.

— Это же всего лишь фото, — робко шепчет она. — И вы отлично вышли. Красавчики такие... ладно, — неловко улыбается и тянется за очередным куском пиццы. — Так бы и сказали, что не любите фотографироваться.

— Поехали, — Матвей встает, — я отвезу тебя к бабушке.

— Что? — Лиля удивленно кривится. — Я не хочу к бабушке.

— Поехали.

— Да что с тобой? — Лиля растеряннo моргает. — Тебя в туалете кто-то укусил?

— Ты поедешь к бабушке, — повторяет Матвей. — У нас планы поменялись.

— Какие планы? И я недоела! Мам! — переводит на меня шокированный взгляд. — Какая бабушка? Ты же помнишь, что я сегодня к Ане иду? Ты мне разрешила! С ночевкой. Мам!

— Значит, к Ане отвезу, — цедит сквозь зубы Матвей.

— Еще рано! — охает Лиля. — Мы договаривались к восьми.

— Приедешь пораньше, — тихо отзывается я.

— Либо к бабушке, либо к Ане, — с угрозой вещает Матвей. — Выбирай.

— Да блин!

Кидает кусок пиццы на блюдо, вытирает пальцы салфеткой и вновь достает телефон.

— Лиля, — медленно выдыхает Матвей. — В машину быстро.

— Я предупрежу Аню, — торопливо что-то печатает на смартфоне, кусает губы и хмурится, ожидая ответ. Тихая вибрация, и она прячет телефон обратно в карман. — Поехали.

Закатывает глаза, встает и недовольно шаркает к выходу:

— Пока, мам.

Накидывает капюшон на голову и бурчит:

— Весь кайф обломали.

— Дома побеседуем, — раздраженно говорит Матвей и шагает за Лилей. — Аня тебя ждет?

— Ждет, — глухо огрызается Лиля и оглядывается. — Может, скажешь, чего ты вдруг вскочил?

— Иди.

Лиля смотрит на меня, и я слабо улыбаюсь ей на прощание.

— Я хочу забрать пиццу, — она решительно разворачивается, игнорирует гневный взгляд Матвея, бежит к столику и вскидывает руку, привлекая внимания официанта. — А можно мне коробочку для пиццы?!

— Лиля!

— Я пиццу заберу и поедем! — оборачивается на Матвея.

— Я жду тебя в машине, — Матвей затягивает галстук, похрустывает шейными позвонками и шагает к выходу.

Он разъярен. Он шею разминает, когда его распирает от гнева.

— Вы когда успели поругаться? — Лиля недоуменно смотрит на меня. — Я же с вами тут была. Или вы уже вышли на уровень телепатии?

К столику подплывает официант и протягивает картонную коробку, которую Лиля тут же выхватывает.

— Мам.

— Что?

— Что происходит? — закидывает в коробку куски пиццы и засыпает к ним остатки картошки фри.

— Хочу задать тот же вопрос, — смотрю перед собой пустым взглядом.

Я не стану сейчас вываливать на Лилю новость, что милая и любимая тетя Ия ждет ребенка от ее отца. Да я даже не знаю, как все это правильно подать, чтобы у моей дочери не случилось истерики.

Все могло быть сегодня иначе. Мы бы поужинали, беспечно потрепались о какой-нибудь ерунде и посмеялись. После я и Матвей закинули бы Лилю к ее подруге и решили бы вечер провести за уютным просмотром какой-нибудь мелодрамы. Я бы заснула на его груди, накрытая пушистым и мягким пледом.

— Или поругались до кафе?

— Лиля, иди.

Я готова сорваться на крик, который разрывает мои внутренности острыми когтями.

— Из-за чего поругались, мам?

— Иди. Тебя папа ждет. Не зли его.

— Ты можешь сказать, что случилось?

— Нет! — рывкаю я и встаю. — Не могу! Не сейчас, Лиля! — выдыхаю через нос и шепчу. — Мы с твоим папой не ругались.

— Но, похоже, поругаетесь, да?

Закрываю коробку с пиццей и вручаю ее Лиле:

— Будешь у Ани, позвони. Хорошо? И не фыркай, когда я попрошу включить видеосвязь.

— Мам...

— Иди и повеселись.

— Отличное веселье за уроками, — морщит нос и семенит прочь.

— Я люблю тебя.

Оглядывается, и у меня сердце сжимается в черную точку, когда она говорит:

— Только сильно не ругайтесь, мам.

Почему я чувствую себя виноватой перед дочерью? Это же не я с другим мужиком на стороне кувыркалась, не я предала семью и изменила мужу.

— Ладно, пока. Я тебя тоже люблю, мам.

Натягивает капюшон чуть ли не до кончика носа и бежит к выходу, прижав коробку с пиццей к груди. Провожая его взглядом, смахиваю слезу со щеки и опускаюсь на стул.

Четырнадцать лет брака.

Я и подумать не могла, что настырный влюбленный мальчишка, который таскал мне полевые цветы и стаканчики с малиной на свидания, однажды сделает мне так больно.

Как же быть дальше?

Я не помню, как прошу счет и как его оплачиваю. Не помню, как заказываю такси и как добираюсь до дома. Все как в тумане с тусклыми вспышками.

Очухиваюсь я только тогда, когда я наливаю из графина воду в стакан. Она переливается через край, ползет лужей по серой каменной столешнице, а после стекает на пол тонкими ручейками. Тихо журчит.

Лужица добирается до моих пальцев. Холодная. Я продолжаю лить в стакан воду, оцепенев и не в силах пошевелиться. Тело окаменело.

Мой муж изменял мне с моей подругой.

И она теперь ждет ребенка.

Близкие и любимые предали, а обещали совсем иного.

Черная тень за спиной вот-вот меня поглотит, и я задохнусь в ужасе и отчаянии.

— Ада.

Я вздрагиваю и медленно отставляю графин. Под моими ногами растеклась холодная лужа. Тонкие колготки промокли.

— Ади, — я слышу голос Матвея словно сквозь толстое ватное одеяло. — Она лживая гадина.

Глава 4. Нет, не позволю...

Я помню наш первый поцелуй, помню его смущение, когда он признавался мне в любви и как покраснели его уши.

Я помню нашу первую неловкую, но сладкую близость. Я помню, как он кричал от радости в ночное небо, раскинув руки, когда я шепнула, что беременна, а затем подхватил на руки и кружил, вглядываясь в мое лицо.

Я помню его лицо и удивленно влюбленные глаза, когда ему вручили в руки Лилю.

Я помню, как душил меня в объятиях, когда Лиля сказала “папа”.

Матвей меня любил. Любил, я знаю это. Он не притворялся.

— Ада...

От того мальчишки ничего не осталось. Он возмужал и заматерел. Он стал мужчиной, и этот мужчина мне изменил.

Тот мальчишка бы так не поступил. Он был очарован мной, одержим и никого для него, кроме меня, не существовало.

Когда все поменялось? Когда я перестала быть для него единственной женщиной? Когда его внимание рассеялось и зацепилось за Ию, которая всегда мечтательно вздыхала: “Тебе так повезло с Матвеем”?

— Она лжет.

— Нет, — сипло отзываюсь я. — Не лжет. Ты с ней спал, и она ждет от тебя ребенка.

По лицу Макара пробегает тень. Опускает лицо, медленно вдыхает через нос и выдыхает через крепко сжатые зубы. Поднимает глаза.

— Да! Черт возьми! — голос Матвея вибрирует гневом. — Я спал с ней! Но мы предохранялись!

Закусываю губы и задерживаю дыхание, чтобы не сорваться в истерику.

— И у нее бесплодие, — в черной злобе шипит Матвей. — Она лжет, Ада.

— Даже если беременность под вопросом, — шепчу я, — то это не отменяет того, что ты мою подругу... Боже... — накрываю лицо рукой и отворачиваюсь. — Я не хочу ничего больше слышать. Вы оба омерзительны.

— У нас с тобой, дочь, Ада, — делает шаг ко мне. — Подумай о ней.

— Что же ты не подумал о дочери? — отступаю к окну. — Не прячься, милый, за тринадцатилетней девочкой. Это низко.

Разворачивается и молча бьет кулаком по стене.

Один.

Два.

Три.

На кафеле тонкие трещины и следы крови. Матвей встряхивает рукой и вновь смотрит на меня исподлобья.

— Она не разрушит нашу семью.

— А на себя ты не берешь ответственность? Так, что ли? — усмехаюсь я. — Вы вдвоем разрушили наш брак. Вдвоем, Матвей. Ты и она.

Каждое слово мне дается с трудом. Я хочу кричать, бить посуду, швыряться столовыми приборами и визжать “За что?!”, но все это — бессмысленно.

— Это конец, Матвей.

— Вот так просто? — вскидывает бровь.

— Да, — коротко смеюсь, всплеснув руками. — А ты чего ждал?

Молчит и дышит через нос, крепко сжав челюсти.

— У тебя будет ребенок, — опираюсь о стол рукой и опускаю лицо. — Может, как ты и хотел, мальчик родится. — усмехаюсь. — Что же ты наделал...

— Ада...

— Проваливай, — поднимаю взгляд. — Я думаю, Ия тебя ждет. С нами все ясно, Матвей. И тут нечего обсуждать. Мне совершенно неважно, почему ты так поступил.

— Я тебя не оставлю, — отвечает с явной угрозой. — Ты моя жена, у нас дочь...

— И что скажет твоя дочь, когда узнает, что любимый папа изменил маме ее подругой? — недобро шурюсь.

— А ей об этом и не надо знать.

— Да? — смеюсь на грани истерики. — Ты ведь вроде умный мужик, Матвей, а сейчас прикидываешься круглым идиотом. Ты мне предлагаешь сейчас заткнуться, сделать вид, что ничего не произошло и дальше жить с тобой? — я все же срываюсь на крик. — Ты, мать твою, нормальный?! Ау! Всё! Матвей! Всё! Это финиш! У нашей Ии есть теперь шанс прибрать к рукам идеального мужа и стать счастливой! Как она того и хотела! Дело за малым! За разводом!

После слова «развод» у меня желудок схватывает острой режущей болью. На секунду в глазах темнеет, и отворачиваюсь от Матвея.

— Я тебе не дам развод.

— У тебя нет таких возможностей, чтобы мне не дать развод, — шепчу я. — Да, затянуть процесс ты в силах, но итог будет один.

— Ты учительница младших классов...

— Я не боюсь быть разведенкой. Сколько нас таких? Тысячи, — желудок опять схватывает спазм боли. — Хватит, Матвей. Мы взрослые люди, и должны нести ответственность за наши поступки. И нам нечего спасать в нашем браке. Ты меня разлюбил, раз потащил в койку другую женщину.

Оглядываюсь:

— Будь честен с самим собой. Мой Матвей, который любил, на других женщин не смотрел.

— Ты останешься со мной.

— Нет. Только если на цепь не посадишь, — качаю головой. — Я не запятнаю свою любовь к тебе тем, что приму эту грязь. Вот такая я, Матвей. И ты об этом знал, когда решил покувыркаться с Ией.

— Наша с ней связь была...

— Случайной?

Сжимает и массирует переносицу.

— Ты сам понимаешь, что бы ты сейчас ни сказал, все будет звучать тупыми оправданиями, которые ничего не исправят. Ничего.

Бледный. На щеках играют желваки. Крылья носа вздрагивают в гневе. Был моим. Был моим любимым. Моей стеной, моей опорой, моей жизнью.

— Я не люблю ее, Ада, — хрипло отзывается он. — И не хотел...

— Все это неважно.

— Ради дочери...

— Она взрослая девочка, — едва слышно шепчу я. — Жизнь бывает жестокой. Этот урок она должна усвоить. Невероятно грустно, что этот урок преподаст ее отец.

— Она не должна всего этого знать.

— Она все узнает и поймет, когда у нее родится братик или сестричка, — слабо улыбаюсь я. — А теперь извини, мне надо привести себя в порядок.

Иду на носочках по холодной луже, и по ногам поднимает озноб. Матвей молча отступает в сторону, но затем хватает меня за запястье и сжимает его.

— Пусти, — поворачиваю к нему лицо.

— Нет, — глухо рычит он, вглядываясь в мои глаза. — Не позволю...

Визуализация. Вместе с Адой вернемся к молодому Матвею

Глава 5. Все плохо?

— Нет! Матвей! Нет! Пусти!

За одно мгновение озверевший, он валит меня на пол. Игнорирует мои укусы и крики. Он ничего не слышит и не видит. Глаза пустые.

— Матвей!

Мне с ним ничего не сделать. С треском рвет блузку. И мне так страшно, как никогда. Этот ужас вспарывает мышцы и раздирает сознание когтями.

Где мой ласковый муж, рядом с которым я чувствовала себя всегда в безопасности? Почему он не слышит мои истошные вопли?

— Матвей!

Рывком заводит мои руки за голову и до хруста сжимает запястья. Замирает, вглядываясь в глаза. Сквозь черную злобу и возбуждение пробивается искра испуга и недоумения.

— Остановись, — шепчу я. — Прошу... Остановись... Матвей...

Его хватка на моих запястьях слабеет. Судорожно выдыхает, отстраняется и садится у стены, опершись локтями о колени и накрыв ладонями лицо:

— Прости.

Мне хватает сил лишь на то, чтобы перевернуться на бок к Матвею спиной. Прикрываю грудь разорванной блузкой и смотрю немигающим взглядом на перламутровую пуговицу, что лежит от меня в сантиметрах двадцати.

— Ади...

И меня накрывает. Я захлебываюсь в слезах и вою, прижав ладони к груди. Я потеряла мужа и его любовь. Меня освежали, выпотрошили, вырвали кости с позвоночником.

Я хочу возненавидеть Матвея, но ненависть, в которой я могла бы найти спасение и которая бы стерла из памяти счастливые моменты, не приходит. И оттого сейчас так больно. Измена лишила меня крепкой семьи, защиты и радости.

Измена хуже смерти. После смерти тебя ждет забвение, в котором не надо собирать себя ко кровавым кускам, бояться за дочь, которую может раздавить наш развод.

Лиля любит отца, и он был хорошим папой, который прошел со мной сложный путь ее младенчества без единой претензии. И мне иногда казалось, что их связь “папа-дочь” сильнее и глубже чем наша.

Конечно, она меня любит, но с Матвеем была еще какая-то особая нить, что их связывала. И она будет разорвана. Мое материнское сердце предчувствует беду. Она затаилась в углу черной липкой гадиной и готовится к прыжку.

Она сожрет мою дочь.

— Если бы была только я, — шепчу я, не спуская взгляда с пуговицы, — только я одна... а у нас ведь Лиля, Матвей... что с ней будет? Почему ты о ней не подумал?

— Я вообще ни о чем не думал, Ада, — сипло отвечает Матвей. — Это я все, что могу тебе сказать в свое оправдание.

Мне остро не хватает объятий Матвея. Того Матвея, который мне не изменял. Его шепота и обещаний, что все будет хорошо. Его теплых ладоней, которые бы вытерли мне слезы и ласково скользнули по щекам. Его улыбки и поцелуя. Но я теперь всего этого лишена.

— Ада, я не хочу терять Лилу. Ты ведь знаешь, что я ее люблю.

Я хочу оглохнуть, чтобы не слышать его хриплого голоса.

Я знаю.

Знаю, когда все это случилось.

Господи.

Мы были с Лилей на отдыхе. Месяц назад. Я и она. Матвей отправил нас “помочь ножки в море”, а ему пришлось остаться в Москве ради крупной сделки, которую он вместе со своими юристами вел около года.

Пастухов Юрий, в узких кругах “Карьерный Король”, добивался приватизации заброшенного горно-обогатительного комбината в Ульяновской области.

Сомнительное решение, которое стоило Матвею и его команде бессонных ночей за документами, литров кофе, долгих переговоров и встреч.

Комбинат переходил из рук в руки, большая часть договоров была утеряна, другие составлены с нарушениями, третьи были оформлены на мертвых или несуществующих владельцев.

На финишной прямой сделка могла обойтись без Матвея, но Пастухов уперся рогом: мой муж должен быть. Всю эту канитель он затеял лишь потому, что был уверен в Матвее, как в хорошем юристе и как в человеке. И если он уедет отдыхать, то пошло оно все в задницу.

— Сделки не будет.

Так Пастухов мне и сказал, когда заявился к нам домой. Поставил ультиматум, выпил чая и обрадовал, что его внучка Соня будет в моем классе. Из всех частных школ он выбрал именно ту, где работаю я, потому что:

— Дети должны учиться среди своих.

За всей этой болтовней о первоклашках, за которых я в сентябре должна была взять ответственность, я сама не заметила, как согласилась, что Матвей должен остаться в Москве на сделку.

Он остался, а мы улетели на две недели. После он нас встретил в аэропорту с цветами. Он тогда показался мне немного нервным, подавленным, а он на мое беспокойство оправдался тем, что его вымотал Пастухов и его грандиозный проект по реконструкции.

Хотя какая разница, когда Матвей решил, что имеет право отвернуться от семьи.

Год назад, месяц, недлю...

Будто это что-то сейчас изменит в нашей жизни, которую тоже ждет реконструкция через боль, отчаяние и сожаление о прошлом.

Замираю, когда слышу шаги и обеспокоенный голос Лили:

— Мам! Пап! Я вернулась! Я волновалась, поэтому я приехала!

Сажусь, запахиваю блузку и торопливо застегиваю пиджак, кинув на бледного Матвея испуганный взгляд.

— Да где вы? Поубивали, что ли, друг друга? Кровавых следов не вижу! Уже хорошо!

Смотри с Матвеем друг другу в глаза. Мы в западне. У нас нет времени на то, чтобы подобрать правильные слова о том, что грядет в нашу тихую и мирную жизнь.

— И меня папа Ани подвез, — голос у Лили наигранно веселый, — передавал вам привет. И они нас приглашают на пикник на следующей неделе.

Ее шаги все ближе, и нам не сбежать.

— Мам, — появляется в дверях столовой, — пап? Что вы тут сидите и молчите?

— Ты должна была остаться у Ани, — Матвей медленно выдыхает через нос. — Мы же так с тобой договорились.

— Вы меня потом обязательно в угол поставите, — скидывает капюшон с головы, опускается на пол и садится в позу по-турецки, — ну, рассказывайте, что у вас тут за собрание?

Медленно тянусь к пуговице, подхватываю ее пальцами и прячу в карман пиджака. Затем неловко приглаживаю растрепанные волосы.

— Все плохо? — тихо спрашивает Лилия, и глаза ее тускнеют. — Да?

Глава 6. Наша дочь тебя не простит

У меня язык во рту окаменел, а глотку схватил спазм. Я не могу выдавить из себя ни слова.

Лиля переводит взгляд с меня на Матвея. Глаза тусклые и обреченные. Я хочу ее схватить, утащить и спрятать. Накрыть одеялом, прижать к себе и укачать, как младенца.

— Вы этого мне не скажете, — шепчет она. — У нас же с вами все иначе. Не так, как у других.

— Лиля, — Матвей закрывает глаза. — Прости меня...

— Нет, — ее голос становится тише, и она в ужасе смотрит на меня, — нет... мам...

— Мы тебя любим, Лиля, — глаза болят от слез, что скатываются по моим щекам. — Я и папа тебя любим. Сильно, солнышко, но...

— Нет, — она в ужасе отползает, будто мы обратились в двух чудовищ. — Замолчите.

— Мы... — сипло отвечаю я. — Лиля... Милая... — задерживаю дыхание на несколько секунд и с трудом выдавливаю из себя. — Нас ждет развод. Такое бывает.

— У нас не бывает, — Лиля не моргает. — Мы другие. Нет. Вы любите друг друга. Вы не все. Вы, как оборотни... — она всхлипывает. — Как истинная пара... Вы не сможете друг без друга.

Мне тоже всегда нравилась эта идея истинности в книгах, которые Лиля читала. Крепкая связь, что предначертана самой судьбой и которая тянется через вечность яркой нитью и связывает сердца и души.

Но мы не в сказке. Мы в реальности, а в реальности мужчины предают семьи ради сомнительного удовольствия. Они уходят, бросают детей, делают больно женам. И я уверена, что истинность в книге придумали женщины, которых не раз предавали, и только магия может обуздать бессовестных мужиков.

— Лиля... я... — Макар закусывает губы, медленно выдыхает и поднимает взгляд на нашу бледную дочь, — это моя вина.

— Не-а...

— Да, — его глаза темнеют. — Моя.

— Нет, — упрямо повторяет Лиля.

— Я изменял, — глухо отзывается Матвей, и взгляда не отводит. — Я изменял твоей маме.

Сердце — тонкий фарфор. И оно идет трещинами. Ресниц Лили вздрагивают, губы дрожат.

— Мама права, — голос у Матвея тихий и блеклый, — я должен быть с тобой честным, как бы это ни было больно.

— Нет, — сипит Лиля. — Это неправда.

— Лиля...

— Ты не мог, — она медленно встает и пятится. — Нет, — сглатывает. — Ты любишь маму.

— Если любит, то уже не той любовью, — упускаю взгляд.

Этого разговора не должно было произойти. И во всем этом холодном и липком ужасе я тоже виновата.

Я слишком доверяла Ие. Не увидела того, что она заинтересована в моем муже и не заметила перемен в Матвее. Я не думаю, что у меня были варианты отвлечь его от измен, но мы могли разойтись раньше. До того, как он потащил в постель мою подругу.

— Ты не такой, папа, — Лиля переводит взгляд на Матвея. — Ты не мог.

— Такой, — хрипло отвечает он.

— Нет. Я не верю.

— Прости меня, Лиля, — закрывает глаза, и крылья его носа вздрагивают. — Прости.

Лиля загнанно озирается по сторонам, будто ищет поддержки у невидимых друзей, прижимает дрожащую ладонь ко рту и молчит, растерянно глядя на Матвея.

— С кем? — спрашивает она через долгую минуту гнетущего молчания.

Как наша любовь могла прийти к подобному итогу? Как мы это допустили? Каждый из нас ради дочери был готов пожертвовать своей жизнью, а теперь она стоит перед нами и плачет.

— С кем? — повторяет она.

Я не смогу ответить на этот простой вопрос. Ия нянчила ее, пела колыбельные, читала сказки и заплетала волосы.

Какая я дура. Так близко подпустила ее к своей дочери.

— С кем? Говорите, — ее голос дрожит. — Раз мы тут все такие честные. Говорите.

— С тетей Ией, — голос Матвея становится холодным.

Лиля переводит взгляд на меня и шепчет:

— Это неправда.

— Правда, — Матвей похож на человека, которого приговорили к смертной казни.

— Нет! — взвизгивает в истерике Лиля. — Ты не мог! Это неправда! Не ты! Кто угодно, но не ты! Ты не такой!

— Такой! — Матвей повышает голос. — Такой, Лиля, такой! — встает и сжимает кулаки.

— Я был с твоей крестной! Ты меня слышишь, нет? Это правда! И ты бы все равно это узнала! Вы обе бы об этом узнали! Не от Ии, так от меня! И я рад, что это вскрылось! Рад!

— Нет!

— Замолчи немедленно! — рявкает Матвей. — Уж сейчас ты можешь со мной не прекаться и не спорить?!

— Я в это не верю! — отчаянно верещит Лиля и топает ногой.

— Веришь ты или нет, но это было! И будет развод! — Матвей ревет раненым зверем.

— Потому что она еще и беременная может быть!

— Это все ложь!

Матвей недоуменно моргает, а затем смотрит на меня в легком ошеломлении:

— Может, ты вмешаешься?

— Лиля, — неуверенно говорю я. — Милая, мне так жаль...

Пусть мы дышим, говорим, но мы, все трое, сегодня умерли. Умерли, как семья.

— Вы меня родили, чтобы потом взять и развестись? — с губ Лили срывается короткий смешок.

Она отказывается верить в жестокую правду, что ее отец изменял мне. Ее мозг просто отсекает признание Матвея и не принимает их.

— Мы родили тебя, потому что любили друг друга, — шепчу я и немного заикаюсь. — Мы не знали, что... что будет так, Лиля. Взрослые могут быть очень глупыми.

— Да вы не глупые, — едва слышно отвечает Лиля и рявкает, — вы тупые!

— Ты как с матерью разговариваешь?!

— Ладно! — шипит Лиля на него. — Это не вы тупые, а ты тупой! Будешь спорить с этим?

— Нет, — цедит сквозь зубы Матвей. — Спорить не буду.

— И Ия твоя тупая, — голос Лили срывается на шепот. Вот-вот разрыдается. — Ненавижу ее... Ненавижу...

Отступает. Я поднимаюсь на ноги, делаю к ней шаг в желании обнять и разделить ее разочарование. Во мне она может быть уверена. Я никогда не предаю ее доверия и любви.

— Нет, не трогай меня, — она всхлипывает и убегает.

— Лиля!

Кидаюсь за ней. На лестнице, что ведет на второй этаж, она резко разворачивается ко мне и кричит:

— Оставь меня!

— Лиля... милая... мы это преодолеем. Вместе.

— Вместе?! — она смеется. — Нет больше вместе, мама! А я так не хочу!

— Мне тоже страшно, Лиля, — слабо улыбаюсь, — и я бы тоже хотела, чтобы все было по-другому.

— Он не мог так поступить с тобой, — Лиля качает головой и прячет руки за спину.

— Но поступил.

Она сейчас не подпустит меня к себе. Она прекрасно понимает, что моей вины в ошибках Матвея нет, но подростковый ужас перед будущим иррационален. Она потеряла семью, и в ее глазах мы оба несем ответственность. Я, как жена, должна была уберечь Матвея от неправильных решений. Мы ведь одно целое. Мама и папа. И разве могут быть мама и папа отдельно друг от друга?

Я эгоистично жду поддержки от Лили. Я хочу, чтобы она обняла меня, вместе со мной поплакала и чтобы сказала, что она любит меня и будет рядом. Я хочу опереться на нее, но это неправильно. Я тут взрослая тетка.

— Лиля, я хочу тебя обнять.

— Нет, — она поднимается на несколько ступеней и смахивает слезы дрожащей ладонью.

— Не сейчас, мам.

А затем кидается на второй этаж. Вздрагиваю, когда слышу, как хлопает дверь ее комнаты.

Мимо шагает размашистым и решительным шагом Матвей. Поднимается на три ступени, и глухо рычу ему в спину:

— Оставь ее.

— Ты хотела ей сказать правду, — он оглядывается на меня с неприязненным оскалом, — я сказал. И я буду сейчас с ней.

— После всего ты еще смеешь...

— Я буду с ней, — Матвей недобро щурится. — И советую тебе мне не мешать.

— Ты сделаешь только хуже, — в бессилии рычу я. — Будь благоразумным.

Спускается ко мне, подходит вплотную и заглядывает в глаза:

— Благоразумие это по твоей части, Ада. Вот и будь благоразумной и идеальной, а я не вывожу, как видишь. И я сейчас поднимусь к Лиле, а ты посиди и подумай, что потребуешь при разводе.

— Мне ничего от тебя не надо, — зло шепчу я.

— Кто бы сомневался, — недобро усмехается он. — Мы ведь такие гордые.

— Именно.

— И это заводит.

Я заново беру руку для пощечины, но Матвей ее перехватывает.

— Будь благоразумной, — шепчет он, — а то твой муж, Ада, на грани. И ты теперь знаешь, что я могу быть подонком.

Отпускает мою руку, и я медленно отступаю, потирая запястье.

— Наша дочь тебя не простит.

— Это ты бы хотела, чтобы она меня не простила, — хмыкает. — Я отвечу перед ней за свои поступки, но не думай, что я позволю тебе настроить ее против меня.

Глава 7. Брюхо вскрою

Лиля лежит ко мне спиной. Свернулась под одеялом в позу эмбриона и молчит. И я молчу. Пялюсь на полку с разноцветными учебниками. Математика, литература, биология...

Накатывают воспоминания, как Лиля в этой комнате сделала первые шаги ко мне и как я кричал, чтобы Ада немедленно пришла. Лиля от моего крика тогда испуганно икнула и удивленно упала на попу.

Ада тогда ворвалась. Бледная и в ужасе, а Лиля засмеялась и вновь неуклюже поднялась на некрепкие ножки.

— Уходи, — шепчет Лиля.

Она не плачет. Голос сухой и надтреснутый.

— Нет, — это все, что я могу ответить.

— А я не хочу, чтобы ты тут был.

— Я знаю.

— Вот и уходи.

— Не могу.

Она должна кричать, плакать и бить меня. Ей по возрасту положены эмоции. Дикие, громкие и яростные, но она лежит под одеялом и не двигается.

— Лиля...

— Когда ты разлюбил маму?

Опускаю взгляд и делаю медленный вдох. Разве я могу говорить о любви к Аде после произошедшего?

И сейчас у меня в груди просто черная и бездонная дыра. Я помню то теплое и светлое чувство, которое меня наполняло, когда Ада целовала меня или когда хватала меня за руку и тащила в темный уголок, чтобы с тихой, но живой страстью отдаться мне.

Сейчас этого чувства нет. Оно исчезло. Когда? Оно меня все еще согревало в аэропорту, когда просил Аду не скучать и обещал, что две недели пролетят быстро, а потом...

— Ты ведь маму любишь...

— Я не имею больше права ее любить, Лиля.

— Я тебя не понимаю, — выползает из-под одеяла, садится рядом и всматривается в мой профиль. — Зачем, папа?

— У меня нет ответа на этот вопрос.

— Тогда уходи.

— Ты всегда будешь моей дочерью, Лиля, — закрываю глаза.

— Мой папа так бы не поступил, — встает и шагает к письменному столу. Опирается о спинку стула и оглядывается. — И изменять маме? Ты серьезно?

Я хочу сбежать, но я этого не сделаю. Лиля должна выплеснуть на меня гнев. Я его заслужил.

— Нашей маме, которой вслед оглядываются! — повышает голос, и я улавливаю в ее голосе страх. — И она не будет одна! Ясно тебе?!

— И будет мне твой новый ребенок никем! Не буду я с ним нянчиться! Я его не приму! Никогда и ни за что! И новые кроссовки мне не нужны! Ничего не нужно! И не смотри на меня так! Будешь теперь папой на выходные, да? Будешь на карусельки водить, мороженку покупать, а потом к своей шлюхе пузатой бежать?!

— Я не знаю, что нас ждет, Лиля.

— Я знаю! Я! — в ярости взвизгивает. — Нас не ждет ничего хорошего! У тебя будет новая семья!

— У меня не будет с Ией семьи! — рывкая я.

— Вот как?! — переворачивает стул. — И от нового ребенка отказываешься?! А смысл всего этого тогда?! А?

— Нет и не было смысла, — опускаю лицо и подпираю лоб руками.

— Вы ведь еще и войну устроите между собой! — Лиля всхлипывает. — Ты ее устроишь...

Поднимаю взгляд.

— Я не хочу всего этого, папа... Ни развода, ни споров, с кем я и в какие дни я должна видаться, ни алиментов... Ничего этого не хочу! — срывается на крик. — Чего я хочу, так это умереть!

— Не смей так говорить, — цежу я сквозь зубы, а у самого руки немеют и холодеют от страха. — Мы придем к миру...

— Какой к черту мир?! — скидывает тетради со стола. — Какой мир?! Для мамы?! Для меня?! Засунь свое мороженое по воскресеньям в жопу! И подачки, чтобы загладить вину!

— Лиля...

— И ты ведь своего выродка притащишь мне, — переходит на рык, — чтобы я с ним подружилась, а тетя Ия будет названивать и звать в гости, ведь мы семья.

— Я тебе повторяю, у меня с ней семьи не будет.

В глазах темнеет от гнева и бессилия перед злым ехидством дочери.

— Желаю ей сдохнуть при родах, — тихо шипит, вглядываясь в мои глаза. — И чтобы на твоих глазах из нее вынули урод.

А это в ней говорят мои гены. Это я в ней сейчас проснулся, ведь я в гневе тоже теряю берега.

В комнату заходит Ада и широко распахивает дверь, намекая, что мне пора уйти.

— Воспитывать пришла? — ярость Лили перекидывается на Аду. — Скажешь, что такого нельзя желать?

— Нет, нельзя, — тихо отзывается Ада. — Мы должны быть выше этого.

— А я не хочу быть выше! Она украла у меня отца!

— Он позволил этому случиться. Моральные качества тети Ии, конечно, под вопросом, Лиля, но...

— Как ты могла всего этого не заметить?! — Лиля выдыхает через крепко сжатые губы. — Ты это допустила!

— Лиля, — встаю и мрачно смотрю на нее. — Мама...

— Тебе-то теперь какое дело? — Лиля язвительно перебивает меня.

— Матвей, оставь ее, — шепчет Ада, и я слышу в ее голосе едва уловимую дрожь.

— Да! Оставь меня! Брось меня! Я ведь тебе больше не нужна! У тебя будет новая дочь! Или сын! А, может, сразу двойня! Почему нет! Давайте сразу тройню! — кидается к книжным полкам и сбрасывает с них книги с криком.

Ада с тихой обреченностью наблюдает за ней, кидает на меня разочарованный взгляд:

— Уходи.

Решительно шагает к Лиле. та в истерике отталкивает ее, затем пытается вырваться из материнских объятий с криками и визгами, которые оглушают меня. И в голове ни одной мысли.

— Тише, Лиля, тише...

— Ты найдешь другого! — вопит Лиля. — Я буду не нужна и тебе!

— Какая глупость, — Ада прижимает ее к себе и оседает вместе с ней на пол. — Ты всегда будешь нужна мне.

Я хочу сказать, что Лиля всегда будет нужна нам, но я выхожу из комнаты, в которой когда-то собирал детскую кроватку. Тогда в лучах солнца рядом сидела Ада, гладила живот и с тихим напевом изучал инструкцию по сборке.

— Я люблю тебя, — тогда сказала она и с улыбкой протянула на раскрытой ладони болтик. — Больше жизни.

Теперь мне этих тихих слов не услышать и не увидеть этой солнечной улыбки. Останавливаюсь и оглядываюсь на Лилю, что в слезах выскакивает из комнаты. Смотрит на меня диким зверенышем, который укусит, если протяну руку.

— Прости меня, Лиля... Я не справился.

— Уходишь? — подбородок дрожит.

— Сейчас мне лучше оставить вас, — с трудом выдерживаю заплаканный взгляд.

Вытирает кулаком слезы, шмыгает и шепчет:

— И куда ты?

— Не знаю.

— К ней, да?

— Если к ней, то я ее прибую, — тихо отвечаю я. — Переночую в гостинице.

— А потом?

— Нам надо всем остыть, Лиля. Сейчас мы можем действительно устроить войну.

— Я не остыну, — опять всхлипывает, — и не надейся.

Делаю несколько тяжелых шагов, и Лиля шепчет:

— Нет... Я так не хочу, папа...

— Прости.

Ускоряю шаг, торопливо спускаюсь под ее вой, который вспарывает мои вены тонкими лезвиями. На крыльце задыхаюсь от боли, что расползается в груди черной паутиной.

Я уничтожил свою семью. И я знал, что к этому все придет. Знал и все равно позволил всему произойти.

И я не могу даже самому себе ответить, почему я решил подпустить к себе Ию. У меня не было к ней любви или тайной страсти, с которой бы я боролся. Она просто однажды пришла, а я ее не прогнал.

С каждой секундой я зверею. Я аж чувствую, как мой мозг покрывается ожогами лютой ненависти к Ие. К этой зеленоглазой змее, что отравила наш брак.

— Убую, мразина, — в голове в который раз щелкает, и я ухожу под волну бурлящей ярости. — Брюхо тебе вскрою.

Глава 8. Ведьма

— Разве можно кого-то так любить? — тихо спрашивает Матвей, сжимая мою руку.

Я и сама не верю в то, что любовь может быть такой. Топкой, всепроникающей и обволакивающей.

— Можно, — шепчу я, вглядываясь в голубые глаза Матвея.

Рассвет. Над озером, которое идет редкой рябью, ползет дымка, а в лесу позади нас щебечут ранние птички. Скоро небо озарится розовым и оранжевым. Воздух звенит от свежести, на траве вспыхивают росинки.

Кладу руку на живот, и улыбаюсь.

— И ты всегда будешь любить?

— Мне кажется, я тебя всегда тебя любил, — Сжимает мою ладонь крепче. — Только увидел тебя, и всё. Пропал с концами.

— И я тоже, — едва слышно отвечаю я. — Одного взгляда хватило.

— Только Ия была там лишней, — едва заметно хмурится.

— Если бы не она, то я бы убежала, и нашего знакомства бы не случилось.

— Меня бы это не остановило. Вижу цель, не вижу препятствий, — Матвей смеется. — Никуда бы ты не делась.

— И ведь не денусь? — с надеждой спрашиваю я.

Душу касается холодный страх перед будущим, о котором мы ничего не знаем, но в следующую секунду он отступает.

— Нет, не денешься, — с тихой и игривой угрозой всматривается в глаза. — Я на тебя подсел, Ади.

— Ловлю на слове, — шепчу я в его губы. — Если убегу, то догонишь, да?

— Да, — его глаза теплые и уверенные. — Моя девочка.

По венам растекается вязкая патока слабости, и он меня целует. Нежно, глубоко и неторопливо, будто пытается запомнить этот поцелуй на рассвете у лесного озера. И я его тоже запомню. Когда мне будет грустно, то это теплое воспоминание меня согреет.

Замираю, когда чувствую в животе мягкий, но решительный толчок.

— Что? Ади? — глаза Матвея вспыхивают беспокойством.

Я хватаю его руку и прижимаю к животу. Новый толчок, и его глаза округляются. Зрачки расширяются.

— Здоровается, — мое сердце учащает бег.

— А тебе не больно? — с тревожным восторгом спрашивает Матвей и боится выдохнуть.

— Нет, не больно, — я улыбаюсь. — Очень странное ощущение, но не больно.

Матвей опускается на колени и прикладывает ухо к животу:

— Привет.

Новый толчок, но уже ленивый.

— Это папа.

Пропускаю волосы Матвея сквозь пальцы, вслушиваясь в чирикание птиц. Возможно, наши души прошли множество перерождений и вновь встретились, чтобы опять прожить жизнь вместе.

— Тебе очень повезло, — шепчет Матвей, — у тебя такая красивая мама.

— Да и папа тоже ничего, — смеюсь я.

— Короче, мы тут такие оба красивые очень ждем тебя, — его голос полон нежности и любви. — И уже тебя очень любим. Слышишь?

Новый толчок, и Матвей поднимает глаза:

— Мне было сказано, что нас тоже любят.

— Да ты что?

— Без вариантов.

Встает, притягивает меня к себе и хрипло шепчет:

— Люблю тебя. Как же я тебя люблю.

— Как? — хитро спрашиваю я, желая сладких подробностей.

— Бесконечно, Ади.

Тянется поцеловать, и из кустов выныривает Ия:

— Вот вы где!

В глазах Матвея пробегают легкое раздражение.

— Я там вам кофе сварила, — Оправляет футболку и встряхивает волосами, переступая через сухую узловатую корягу. — Зову. Зову, а вы молчите.

— Мы пораньше проснулись, и не стали тебя будить.

— Заглядываю в палатку, а вас нет, — собирает волосы в хвост. — Я аж испугалась. Вдруг медведь утащил?

— Какой тут может быть медведь, Ия? — снисходительно спрашивает Матвей. — Белки, максимум.

— Как там наша красотка, — Ия подплывает ко мне, касается живота и воркует. — Как ты, милая?

— А, может, мальчик, — поправляю запутанные волосы на затылке.

— Девочка, — Ия подмигивает мне и решительно шагает к воде. — Будет девочка, — оглядывается, — точно я тебе говорю. Я же уже говорила, что я из потомственных ведьм.

— Прекрати.

Смеется и стягивает футболку:

— Искупаемся?

Мне нравится цвет ее бикини. Бирюзовый. Яркий такой в предрассветной серости.

— Я, пожалуй, пас, — ежусь. — Вода холодная.

— Ты тоже струсил? — переводит взгляд на Матвея. — Давай! Взбодримся!

— Струшу, — спокойно отвечает Матвей, зевает и шагает прочь, утягивая меня за собой. — За кофе спасибо, конечно, но мы сейчас на ромашке сидим.

— Какой ты зануда, Матвей.

Оглядываюсь и слабо улыбаюсь Ие, которая закатывает глаза, скидывая на мелкий влажный песок тонкие хлопковые штаны:

— Скучные вы.

— А мы тебя и не звали.

— Матвей, — шепчу я. — Ты чего?

— И ты за этого буку замуж вышла, — Ия со смехом бежит в воду, поднимая веер брызг. Матвей уводит меня в лес.

— Она хорошая, — говорю я. — Громкая, конечно.

— И наглая, — недовольно цыкает.

— Но без дурных помыслов.

Выныриваю из воспоминаний. Сажу среди разбросанных учебников, и слышу надтреснутый шепот Лили, которая стоит у окна:

— Уехал.

— Хочешь какао? — мертвым голосом спрашиваю я.

— Нет.

— Я его все равно приготовлю, — встаю, сжимая переносицу. — Ты его любишь.

Молчит, и я выхожу из комнаты. На несколько минут приваливаюсь к стене и спускаюсь на первый этаж. Мне надо себя чем-то занять, чтобы отвлечься, а то мне кажется, что любой мой выдох может окончиться смертью.

Какао выходит у меня лишь с третьей попытки. Испортила два пакета молока и три упаковки какао-порошка.

Разливаю ароматный шоколадно-молочный напиток по кружкам, и на кухню входит Лиля. Лица не видно из-за капюшона.

— Я звонила папе.

Отставляю ковшик с остатками какао на деревянную доску.

— И он не отвечает... мам... — всхлипывает, — а вдруг что-то случилось?

Глава 9. Главное - пережить эту ночь

— Бери этот, — Ия указывает пальчиком на оранжевый купальник.

— Не слишком ли вызывающе?

— В этом и смысл, — выхватывает из моих рук яркое бикини и плывет к стойке, — мы берем этот.

— И белый тоже берем! — семеню за Ией.

Консультантка с милой вежливой улыбкой аккуратно заворачивает купальники в тонкую бумагу, и я украдкой шепчу Ие на ухо:

— У меня планы на этот отпуск.

— Какие? — разворачивается ко мне.

— Я готова ко второму...

Ия непонимающе вскидывает бровь:

— Речь о смелых экспериментах? Вы решили с Матвеем...

— Нет! — охаю я и краснею. — Малыша хочу! Ия! Ты чего!

Она приподнимает бровь выше:

— Малыша?

Блин, наверное, не стоило ей говорить, ведь она уже не первый год по врачам бегает, но если не с ней поделиться своим волнением, то с кем тогда?

— Наконец-то! — ее лицо озаряется улыбкой, и она притягивает меня к себе, чтобы обнять. — Долго же ты готовилась, Ада. Ты уже как минимум с тремя должна была быть.

А мы хотели с Матвеем встать на ноги. Я — профессионально подняться, он — расширить фирму. И только вот на днях мы с ним сели и поговорили, что мы опять готовы нырнуть в пеленки, крики и бессонные ночи. Вместе, как это было с Лилей.

— Я так счастлива за вас, — Ия вглядывается в мои глаза. — И как же я опять хочу увидеть Матвея всклокоченным, сонным и с орущим дитем на руках.

— Я тоже, — смеюсь я.

— Мам, — Лиля трет нос. — Или он к ней поехал?

— Садись, — придвигаю кружку с какао к краю стола.

Лиля втягивает голову в плечи, и садится за стол.

— Мам, что теперь будет с нами?

— Как не едет? — охает Ия.

— Вот так, — делаю глоток чая. — Сделку должен закрыть. Пастухов затопал ножками.

— Да пусть он идет в пешее эротическое, — кривится.

— Это не тот человек, которого можно послать в пешее эротическое, Ия, — вздыхаю я. — Он сам кого угодно пошлет, а потом сверху добавит. Честное слово, лучше бы Матвей мелким нотариусом был и просто печати ставил. Сейчас он...

— Серьезный человек, — Ия подпирает лицо кулаком, — с хорошими связями.

— Ага, и скоро он от этих хороших связей поседет или полысеет.

— Ты его и лысым будешь любить.

— Куда я денусь, — отставляю чашку.

— Будешь ему его лысину смазывать, что красиво блестела и ослепляла всех вокруг.

Я смеюсь, ведь это очень похоже на правду. Буду за Матвеем бегать с баночкой крема, а он яростно отбиваться. Потом он сдастся, потому что я буду очень упрямой.

— Может, нам остаться? Потом все вместе полетим? — задумчиво провожу пальцем по краю чашки.

— Когда? У тебя учебный год там начнется, — Ия хмурится. — Да и Лиля уже настроилась.

— А давай с нами, а? — тихо предлагаю я. — Будет весело.

— Не могу, — слабо улыбается, — кто меня отпустит? Я только на новую работу устроилась.

— Мам, — шепчет Лиля, сжимая телефон в руке. — Он так и не отвечает.

Жгучее желание отобрать у Лили смартфон и разбить его о стену. После накричать и выместить на ней свою злость и отчаяние.

— Прекрати ему звонить, — едва слышно отзываюсь я и медленно выдыхаю. — Если не отвечает, — горько усмехаюсь, — то, вероятно, очень занят.

Как тяжело быть матерью в момент, когда вся жизнь осыпалась острыми осколками и не на кого больше опереться. Впервые осознаю свою слабость, как женщины.

— А если...

— Что если? — поднимаю взгляд.

Нам главное — пережить эту ночь в здравом уме.

— А если авария? — сипит Лиля. — Мам... Он же ушел не в себе.

— И что мы можем сделать, если авария? — тихо спрашиваю я.

— Я не знаю...

— Поэтому, — стараюсь говорить спокойно, — мы сейчас выпьем какао, Лиля, посмотрим какую-нибудь тупую комедию и ляжем спать. Больше у меня вариантов нет.

— А если... он... у этой шлюхи? — голос Лили дрожит.

Я вижу по ее глазам, что она бы предпочла аварию для Матвея. Да и я, наверное, тоже.

— План тот же. Какао, комедия и спать, — терпеливо отзываюсь я, а сама хочу визжать, бить посуду и рыдать.

Рыдать до того момента, пока я не отключусь на полу кухни.

— Мам... — Лиля откладывает телефон и обхватывает кружку ладонями. Молчит минуту. По щеке к подбородку катится слеза, а затем падает в какао. Поднимает глаза. — Это я виновата.

— Что ты такое говоришь?

Во мне просыпается злоба. Я теперь сама готова толкнуть машину Матвея с обрыва за то, что Лиля чувствует себя виноватой.

— Я тебе кое-что не сказала, мам.

Глава 10. Он не мог так поступить

— Что ты не сказала?

— Перед отъездом на отдых... — Лиля шмыгает и опускает взгляд, — я позвонила тете Ие... и попросила, чтобы она папу...

Плечи трясутся, накрывает лицо руками и воет:

— Чтобы она папу провела-ааа-ааааа. Он же когда работает, обо всем забывает... Даже поест... Мааааа... а эта крыса сказала, что позаботится о папе... маам...

Обегаю стол, обнимаю ее и прижимаю к себе:

— Нет твоей вины во всем этом. Нет.

— Это случилось, когда мы были с тобой на отдыхе, ведь так? — ее трясет в истерике. — Мы когда прилетели, папа странно себя вел... Это я виновата... я... я не должна была... Я сама его скормила... И я многое ей рассказывала, а она говорила... что она мне почти мама...

Разорвать гадину на куски и скормить бездомным псам. Мне бы сейчас бегать по дому взбешенный истеричкой, крушить все вокруг, но я тогда проиграю. Моя дочь должна найти сейчас во мне защиту, а не обиженную женщину, которая теряет себя из-за предательства двух близких людей.

— Нет, нет и нет, — обхватываю ее лицо руками и поднимаю его на себя. — Ты не виновата, Лиля.

— Я так ненавижу ее, мам, — дыхание неровное и прерывистое. — Так сильно, мам. Только ее... но не папу... хочу, но не могу, мам...

И опять ревет. Мне бы взять ее на руки и покачать с колыбельной, как я это делала, когда она была маленькой и мучилась от коликов.

Сажусь у ее ног и заглядываю в лицо:

— Лиля, милая, — слабо улыбаюсь. — Такое случается. Я не знаю, как объяснить тебе мотивацию мужчин, когда они так поступают, но... я могу предположить, что папа больше не находил во мне того, что ему было нужно...

— Секса, да? — Лиля презрительно фыркает.

— Возможно. А, может, чего-то другого.

— Она его соблазнила, — шипит с ненавистью Лиля. — Гадина такая...

— Может и так, но решение перейти грань он сам принял. Почему? Потому, что я стала для него неважна.

— И я.

— Все намного сложнее, Лиля.

Моя темная сторона души требует, чтобы я сейчас вылила на Матвея кучу дерьма, но разве это поможет моей дочери пережить кризис и его предательство? Культивировать в душе девочки ненависть к отцу из-за собственной злости и обиды — неправильно. Я полна отчаяния, гнева, но любое мое неосторожное слово может отравить мою дочь.

— Лиля, мне очень тяжело сейчас говорить, и я не смогу тебе ничего объяснить так, чтобы тебе стало так, как раньше. Как раньше уже не будет. И это нормально, что ты не ненавидишь папу.

— А ты его ненавидишь?

— Сейчас я ему благодарна за то, что у меня есть ты, — аккуратно подбираю слова. — И благодарна за все те годы, в которые я была счастлива. Теперь у нас с ним будет все по-другому. Люди разводятся. Это больно, страшно, но время... лечит?

Сама не верю своим словам. Со мной эта гниль останется до конца моей жизни. Да, время припорошит ее новыми событиями, но все, что я сегодня переживаю с дочерью, будет со мной.

— Он должен был остаться, — смотрит на меня заплаканными глазами.

— Нет, Лиля.

На самом деле я согласна. Матвей должен был остаться, прожить вместе с нами нашу истерику, крики и обвинения. Мы имеем полное право утопить его в гневе, но он сбежал.

— Мам...

— Что? — я вся сжимаюсь от шепота Лили.

— Я знала... знала, что тетя Ия влюбилась в папу, — она отворачивается от меня и прячет лицо в ладонях, — она хранит его фотографию в кулончике... Я когда у нее была в гостях, залезла к ней в шкатулку... она просила принести из ее комнаты шарфик. А я вижу у нее на комоде черная шкатулка, заглянула... а там медальон, а в нем папина фотография... я тогда не поняла, что это папа, потому что фотография была в чем-то буром измазана... будто... — поднимает на меня глаза, — в крови. Мам, — она медленно выдыхает, — она его приворожила.

— Не говори глупостей, — между лопаток ползет озноб от взгляда Лили, — да, она любила шутить, что ведьма, но это же... Лилия, — фыркаю, — прекрати. Ты уже умная девочка. Оставь магию для книжек и фильмов. Нельзя человека приворожить.

— Она мне с контрольными помогала, — сипит Лилия. — Я тебе не говорила, но... если она пошепчет, то я пятерки получала.

— Ты пятерки получала, потому что готовилась...

— Мам... Ну не мог он так поступить. Не мог!

Глава 11. Очень честная мама

— А ты сама виновата, — заявляет мама. — Да, и не смотри на меня так!

Вызвала маму для поддержки, и зря. Я настолько ошарашена ее заявлением, что открываю рот.

Прекрасно. Я будто попала в зазеркалье.

Лиля получала пятерки не потому, что я с ней готовилась к контрольным, не потому, что она умная и ответственная девочка, а потому что — Ия что-то шептала в кулачок и поколдовала.

И мужа моего приворожили. И Лиля не стала слушать моих объяснений, что реальность устроена немного по-другому. Ладно. Ей простительно. Она подросток, который очень любит тему мистики. Ведьмы, оборотни, вампиры... Сейчас она хочет спрятаться за “магией”. Ее папа — идеальный мужчина и кто-то другой виноват в том, что он изменил.

И по версии мамы в его измене виновата я.

— Да, сама виновата, — мама отставляет чашку с чаем. — Нельзя с женщинами так дружить, как ты дружила. Считай, что ты сама подложила Ию в постель Матвею. Нагрела ей местечко.

Наверное, меня обида за слова мамы нагонит после. Сейчас я слушаю ее молча и не спорю. У меня нет сил. Пусть забивает в крышку моего гроба последние гвозди.

— Она, поди, жопой вертела перед Матвеем, а ты слепая и ничего не видела. Ты у нас такая. Доверчивая. Ввела в семью незамужнюю молодую женщину. А он мужик!

Сердито отворачивается и кусает тонкие губы. Поддержала так поддержала. Хоть в петлю лезь.

— И ведь опять, что ты сделала? — вновь смотрит на меня.

— Что?

— Взяла и отпустила его, — разводит руками в стороны. — И куда он поперся? К твоей подруге. Молодец.

— Неожиданно, — массирую бровь. — Мам, я надеялась услышать немного другое...

— Перевязала бантиком мужика и вручила подружке!

— Мам.

— И теперь ты оставишь дочь без отца.

— Да ты издеваешься, — издаю короткий смешок.

— Ты же ко всему еще и гордая, — мама недовольно хмыкает. — Все доведешь до развода.

— Да, — подпираю лицо рукой.

— Разведенкой будешь? — вот тут в глазах мамы вспыхивают слезы.

— Да. Буду гордой разведенкой. И я не буду запрещать Матвею быть отцом для Лили, мам.

— Ох как твоей подруженьке-то повезло! — мама смеется. — Ты ей такого мужика подкинула. Успешного, богатенького.

— Только, видимо, очень тупого, раз он своей воли не имеет, — недобро шурюсь. — Знаешь, мам, сейчас тот самый момент, когда ты должна быть на моей стороне.

— Я говорю тебе правду.

— А правда в том, что мне сейчас до тошноты и головной боли плохо и муторно, а ты боишься, что твоя дочь будет разведенкой. Ты ведь нами хвасталась, — горько улыбаюсь, — а сейчас красивая картинка семьи под угрозой.

— Ты останешься ни с чем, Ада.

— У меня есть я, мама, — шепчу я. — И за штаны, которые решили убежать к другой женщины, я держаться не буду. Он сделал свой выбор, и он сам это понимает. И если у него остались ко мне теплые чувства, то мы разойдемся полюбовно.

— А о дочери ты подумала?

— Я? — охаю.

— Я знаю тебя, — шурится. — Это ты ведь не смогла сдержать язык за зубами. Это втянула Лилу в ваши разборки, так как у вас всегда такие открытые разговоры и ты с ней всегда до абсурда честная.

— И у кого же это я научилась рубить правду-матку? — зло усмехаюсь. — Кто это у нас тут еще любит правду? А?

Мама, опешив, замолкает. Моргает и не знает, как ответить на мой выпад.

— Я вызову тебе такси.

Встаю, шагаю в гостиную и подхватываю со столика телефон. Голосовое. От Матвея. Руки трясутся. Касаюсь экрана, и из динамиков раздается злой и хриплый голос Матвея. Язык немного заплетается, будто он пьяный:

— Развод, Ада, я тебе дам, — делает паузу, — сука... — рык, как у зверя. Он точно не в себе, — но я тебя сразу предупрежу... я убью любого, кто решит приблизиться к тебе... Не будет у тебя другого мужа... я у тебя был первым... Твою мать!

Дальше отборный мат, от которого у меня волосы на голове шевелятся, и звук, что похожит на глухой удар.

Голосовое обрывается.

Глава 12. Может, тебе к мозгоправу?

— Ты какого хрена тут делаешь?
Вынырываю из темноты и хватаю Юру за ворот его бархатного синего халата:
— Ты...
— Я вызову полицию! — визжит на лестнице жена Юры, щуплая низенькая женщина.
— Почему его пропустила охрана?
— Он же юрист, дорогая, — Юра кривится, — а эти черти уговорят и привратника пропустят их в Райские Сады.
— Ты...
— Ты брызжешь слюнями мне в лицо, Матвей!
Разжимаю пальцы и медленно отступаю:
— Что я тут делаю?
— Хороший, мать твою, вопрос! — Юра раздраженно оправляет халат и окидывает меня взглядом. — Ты под чем-то?
— Нет... — медленно моргаю.
— Так я тебе и поверил.
— Я... меня не должно быть тут...
— Согласен, Матвейюшка. А еще ты весь в крови, — мягко сжимает меня за плечи толстыми пальцами и разворачивает к зеркалу.
Рубашка в бурых разводах, ладони в засохших пятнах крови.
— Кого порешил? — ласково спрашивает Юра, и его толстое круглое лицо растягивается в улыбку.
В голове пусто.
— Матвей...
— Возможно, подругу жены, — сипло отвечаю я. — Я к ней ехал.
— Да? — шепчет Юра, совершенно не удивленный моими словами. — Ты ведь знаешь мои принципы, что какими бы бабы стервами ни были, их нельзя трогать? Даже если очень хочется.
Закрываю глаза, пытаюсь вырвать из темноты осколки воспоминаний. Визг. Нечеловеческий визг, полный боли и ужаса.
— Полицию вызывать? — испуганно шепчет жена Юры.
— погоди, успеем.
— Я ее убил.
Юра усаживает меня на софу, подхватывает что-то с моей рубашки у ворота.
— Я все-таки за то, чтобы вызвать полицию, — сипит жена Юры. — Он же не в себе.
— Тихо, женщина, — фыркает он в ответ.
— Да он на тебя кинулся!
— Да я бы его заломал, — Юра что-то разглядывает в своих пальцах. — А можно спросить, за что ты подругу жены порешил? Ты прости мое любопытство, но ты ко мне в дом ворвался, и я имею право знать, что толкнуло высококлассного юриста на мокруху.
У меня голова кружится, и я будто в кошмаре. В вялотекущем кошмаре.
— Матвей.
— Я с ней... — в голову будто вбивают ржавый гвоздь.
— Ну? Не томи.
— Я и она... — головная боль усиливается, распирает и пульсирует. — Я ее... — язык заплетается. — Жена узнала, и...
— Ты что-нибудь понял из его мычания?

— Да, — флегматично отвечает Юра. — История стара, как мир, моя дорогая. Он отжал подругу жены, жена узнала, расвирепела, а он...

— Ее убил, — поднимаю взгляд.

— Господи, — сипит жена Юры и оседает на ступени.

— А чем ты ее порешил?

— Не знаю.

— А ты подумай.

— Выпотрошил ножом? — неуверенно спрашиваю я. — План был такой. Вскрыть ее... — меня опять накрывает неконтролируемой злобой, — как свинью...

— Или как собаку, — Юра щурится.

— Нет, — качаю головой и меня отпускает. — Собаки... Собаки мне нравятся. Лиля просила собаку.

Почему я не разрешил Лиле завести собаку? Я ведь никогда не мог противостоять ее просьбам, а вот с собакой был непреклонен.

— Лилия это кто? — спрашивает жена Юры.

— Дочка, — Юра хмурится. — Милая такая девчушка.

— Она меня не простит...

— Ты и ей сказал о своих шашнях? — возмущенно охает Юра. — Ты в своем уме?

— Я должен был. Она бы все равно узнала, Юр. Я облажался.

— Мне не нравятся твои друзья, — зло отзывается жена Юры.

— Он мне не друг, а юрист. Хороший юрист, хваткий, дотошный и упрямый, — отстраненно отвечает Юра.

— Тогда что он тут делает, если не друг?

— Ответишь на этот вопрос, Матвей?

— Я должен был быть с женой и дочерью, толстый ты козел, — шепчу я. Кровь в венах закипает. — А не твоей сраной сделкой заниматься.

— Кстати, я скинул десять килограмм. Так что, я уже не такой толстый козел.

— А вот ни черта незаметно, — рычу я. — Если бы не твоя сделка, если бы...

— Так это я виноват?

— Нет, виноват я, но мне уже нечего терять, Юр. Я и тебя затащу в ад.

— Тяжело будет тебе меня тащить, — он усмехается, — я же толстый. Сам сказал. Я тебя еще раздавлю.

— Харе зубоскалить.

— Ты в моем доме еще и командуешь?

— А кто тебе, урод, эту землю под дом помог отсудить?

— Справедливо, — присаживается рядом, а я в ненависти всматриваюсь в его лицо. Он смеется. — Как тебя накрыло, Матвеюшка.

— Я облажался.

— Я уже это слышал.

— Четырнадцать лет брака, Юр...

— Это не конец света, в самом деле. Женишься еще раз. После отсидки. Есть особо одаренные дамочки, которые текут от эков. Ты еще тот словоблуд. Таких писем забацишь, что они кончатся будут от твоих строчек. Будут толпой к тебе ломиться с передачками. Твоя жена не единственная женщина... — косит на меня взгляд. — И ты уже это и сам понял.

— Заткнись.

— Может, тебе к мозгоправу?

— В местах не столь отдаленных ведь есть психологи?

— Должны быть, — Юра беззлобно усмехается. — Там за решеткой столько ранимых душ. Убийцы, маньяки, насильники.

— Я чуть жену... — хрипло шепчу я, — не взял силой.

— А, может, взял?

Задумываюсь. Я помню ее крики, укусы и слезы. Рву блузку, но... воспоминание смазывается болью в висках, и я уже сижу у стены.

— Нет... я бы не стал.

— Значит, к убийцам пойдешь, — Юра пожимает плечами. — Там много таких, как ты. У многих срывает башню от баб.

— Это хорошо, — киваю и вновь пялюсь перед собой. — Буду среди своих.

— Поможешь своим писать апелляции. Бывшие юристы на вес золота среди своих-то.

— Это да, — глухо соглашаюсь я, — но уголовка не мой профиль.

— Я в тебя верю, Матвей. Ты толковый мужик, и в уголовке разберешься.

— Вызывай ментов, Юр, — накрываю кровавыми ладонями лицо. — Я готов.

Глава 13. Месяц тяжелый

— Прежде чем я вызову в свою скромную обитель стражей порядка, — Юра внимательно глядывается в мой профиль, — у меня вопрос, Матвей.

— Да чего тебе надо...

— У подруги твоей жены линька началась?

— Что? — недоуменно смотрю в его круглое и толстое лицо.

Расплывается в улыбке и сует под нос клочок белой шерсти.

— И она у вас, подруга эта, в полнолуние на четыре лапы встает?

— Что?

— Ты весь в собачьей шерсти, Матвей, — Юра недобро шурится. — Ты собаку, что ли, выпотрошил? Если так, то... ты же пять минут назад говорил, что любишь собак.

Вспышка боли.

Телефон выскальзывает из рук. Я резко торможу с визгом шин, потому что на повороте я кого-то задел. Реакция меня подводит, и моя машина все же целует фонарь. Меня дергает вперед, ремень безопасности давит на грудь.

Тусклый свет, белое пятно на асфальте. Визг, который оглушает, и несколько шагов.

Собака. И она не скулит, а верещит, дергая окровавленными лапами в попытке встать.

— Матвей, — Юра щелкает пальцами. — Ты еще с нами?

Боль пульсирует в висках.

Я заваливаюсь в ветеринарку. Белый пес в моих руках хрипит, скулит и пускает кровавую пену изо рта. Ору на мужика в халате, чтобы он проснулся и зашевелился.

— Матвей, что ты принял?

— Ничего, — сипло отвечаю я и накрываю лицо руками. — Я собаку сбил.

— А подругу жены...

— Не знаю. Похоже, не доехал.

— И ты мне заливаешь, что ничего не принял?

— Нет, — шепчу, — перенервничал. У меня месяц тяжелый.

— У меня вся жизнь из тяжелых месяцев, но так чеку ни разу не срывало...

— У меня так чеку сорвало, — в гневе всматриваюсь в его лицо, — что запрыгнул на подругу жены. Ты мне, козел, все мозги сожрал своими сделками.

— То есть мы опять возвращаемся к тому, что я виноват, что ты подругу жены отымел? — Юра вскидывает бровь.

— Я больше с тобой не работаю, — встаю и приглаживаю волосы дрожащей пятерней. — К черту тебя.

— Ну, ты так не горячись-то сразу, — Юра смеется. — Я не твоя жена, и мне по одному месту, с кем ты там веселишься. Другое дело, что тебе отпуск нужен. Ты, похоже, поймал нервный срыв, или на что-то подсел...

— Я ничего не принимал и не принимаю! — резко разворачиваюсь к Юре. — Меня ждет развод, Юра! Моя дочь меня теперь ненавидит! Жена так орала на полу, будто ее живьем резали! И я ее чуть не изнасиловал! да, у меня чеку сорвало! Потому что я устал! От твоей рожи, от рож твоих дружков, от этих тупых встреч, на которых только и ждешь, что начнется перестрелка, если кто-то из вас скажет неосторожное слово!

— Мы на встречи ходим без оружия, — Юра пожимает плечами. — Это же официальные встречи, а не стрелки, но стволом рекомендую обзавестись. Им и подругу жены сподручнее на тот свет отправить. А лучше... — Юра медленно моргает, — для этого отдельного человека нанять, чтобы ручки свои не марать. Могу поделиться контактами.

— Какой же ты ублюдок.

— Я вот жене не изменяю.

Мне кажется, что у меня мозг судорогой сводит от ехидной улыбки Юры. В голове звучит неразборчивый шепот, и меня ведет в сторону. Приваливаюсь к стене и медленно моргаю:

— Как вариант, у меня шизофрения.

— Шизофреники никогда не признают того, что они шизофреники, — Юра щурится.

— Я голоса слышу...

— И что они говорят?

— Юра! — рывкает его жена. — Это уже не смешно! Я, конечно, понимаю, что ты любишь всяких болезных, но это уже перебор!

Меня отпускает, и медленно промаргиваюсь. Вытираю со лба липкую испарину и сползаю по стене на пол.

— Ты такая чувствительная ромашка, Матвеюшка, — поддается в мою сторону и вглядывается в глаза. — Слушай, давай-ка реально отправим тебя к мозгоправу, а?

— Я не псих.

— А только что говорил, что шизой поехал.

— Я не хочу ее терять... — шепчу я. — Мы ведь хотели второго ребенка, Юр.

— Так себе из тебя сейчас папаша, Матвей, — Юра качает головой. — И юрист, похоже, тоже.

— Я пошел, — тяжело встаю. — Прошу прощения за столь поздний визит.

— Да щас, ага, — выставляет ногу, преграждая мне путь, — одну собачку ты уже сбил, вторая будет лишней.

— Вот собачку и проведу.

— Завтра проведешь, — Юра встает, приобнимает меня за плечи и уводит к гостинной. — Вместе поедим. Ты и я. Тише, Матвей... Мы сейчас с тобой чайку выпьем.

— Да он не в себе, — шепчет его жена.

Юра выхватывает из кармана телефон.

— Кому звонишь? — резко разворачиваюсь к Юре.

— Хорошему другу, — шепчет он с улыбкой, будто я и правда умалишенный. — Ты пришел мне поплакаться в жилетку, но сейчас не я тебе нужен.

— А кто? — мозги в голове, как желе.

— Мозгоправ, — Юра улыбается еще шире. — Кто же еще?

Глава 14. Первый шаг мы сделали

Лиля во сне тяжело вздыхает и всхлипывает. Я сижу на полу возле ее кровати и смотрю в одну точку, сжимая в руках телефон. На столе горит тусклый ночник.

Я внутри — мертва, а Матвей на звонки не отвечает.

Неужели меня ждут его похороны?

Если я увижу Матвея в гробу, то я точно умом двинусь. Я уже одной ногой в липком черном отчаянии.

Пусть будет живым.

Закрываю глаза.

Его ведь ждет новая жизнь. Новый ребенок, и, возможно, новая жена. Поскандалит он с Ией, что та посмела раскрыть карты, и в самый пик их ссоры они кинутся друг на друга, чтобы в дикой животной страсти помириться.

И после они поговорят, и Матвей поймет, что нет смысла цепляться за прошлое и что он меня разлюбил.

Такое случается.

И как горько, что любовь может покинуть только одного из супругов, а второму остается только недоумевать над осколками своей жизни.

Да, такое случается, но из-за высокомерия я не могла допустить мысли, что нелюбовь и предательство коснется меня.

Матвей убедил меня, что я особенная женщина, которую любят раз и навсегда, и я ему поверила, ведь он для меня тоже был единственным.

Был и останется.

Семьи у меня с ним не будет, но сердце мое он ревниво вырвал и оставил при себе. И жить мне с дырой в груди.

И я не знаю, чем я ее заткну.

Любовниками? Работой? Социальными сетями? Или утоплю себя в бутылке, чтобы забыться?

Я стою у края пропасти, и ради дочери я должна найти в себе силы отступить от края.

Вздыхаю и тянусь к разбросанным учебникам на полу. Собираю их в стопку, ровняю по корешкам и вновь сижу, оцепенев в полумраке тоскливой статуй.

Минуты растягиваются в часы, и когда я в полудреме готова лечь на ковер, я выхватываю из тишины тихие шаги, которые замирают у двери.

Живой.

Поднимаюсь и выхожу из комнаты к Матвею, а затем в страхе прижимаю ладонь к губам, чтобы не закричать. Его рубашка вся в кровавых разводах. В свете блеклых бра на стене он походит на бледного маньяка, который сейчас мне шею свернет.

— Спокойно, — он разворачивается и шагает к нашей, — я никого не убил. Разбил машину и сбил собаку.

— Собаку? — шепчу я.

— Да, — расстегивает рубашку. — Белую такую. Пушистую. Выскочила и... Заберу ее, если хозяев не найду...

Я ничего не понимаю, и мне остается только следовать за Матвеем бледной тенью.

— Я соберу вещи, приму душ и уеду, — заходит в спальню, скидывая рубашку, которую я машинально подхватываю.

В нос ударяет запах мочи, крови, пота и псины. Аж глаза режет.

— Я так устал, Ади, — он разминает плечи и вскидывает лицо к потолку. — Смертельно устал. От всего. И это не попытка оправдаться.

— А звучит именно так...

— Даже если это было так, то это не имеет никакого значения, — оглядывается.

— А что имеет?

— Не тирань меня, — цедит сквозь зубы, за долю секунды переменившись в лице. Медленно выдыхает. — Не сейчас, Ада.

— Ты ведь даже стыда не чувствуешь.

— Нет, не чувствую, — не спускает с моего лица какого-то дикого взгляда. — А какой в нем сейчас смысл, Ада? Это что-то изменит?

— Нет.

— Я чувствую лишь злость. Одну лишь злость. И ничего кроме нее у меня сейчас нет. Ничего. Я был счастлив с тобой, а теперь этого не будет. Ни при каких обстоятельствах.

— Чего тебе не хватало?

— Мне всего хватало.

— Тогда я... ничего не понимаю, Матвей, — тихо и истерично посмеиваюсь.

— Ия просто пришла и всё.

Он сжимает кулаки и медленно выдыхает, скрипнув зубами, будто ему очень больно.

— И все?

— Да. Мне нечего объяснять, Ади, — потирает лоб, а затем снимает с пальца кольцо.

У меня, кажется, сердце останавливается в этот момент, и перед глазами комната расплывается.

— Я любил тебя, — откладывает кольцо на комод к шкатулке с украшениями.

— И я тебя, — мертвым голосом отвечаю я.

Он вновь оглядывается. Он не попросит прощения, потому что сам знает, что происходящему между нами нет оправдания, и лишние слова, если они не изменят прошлого, бессмысленны.

— У нас все будет хорошо, — шепчу я, а в глотке будто застрял булыжник. — Иначе, но хорошо.

Я стягиваю обручалку и кладу его рядом с кольцом Матвея.

— Первый шаг мы сделали.

Глава 15. Ты - слабак!

Я выхожу из комнаты. Приваливаюсь к стене и прижимаю руку к груди. А в ней уже не дыра, а бездонная брешь, и она меня засасывает.

Мы сделали первый шаг. Самый важный и самый сложный.

Сняли кольца.

Пусть не на бумаге, но в душе мы друг другу не муж и жена. Мы подвели черту и перешагнули ее. И сделали это вместе, глядя друг другу в глаза.

Я мечтала о совместной старости, а сейчас моя милая фантазия о старичке в саду у кустов с помидорами и чашке с горячим чаем, за которой тянутся морщинистые и любимые руки, разбита на мелкие и острые осколки.

— Па вернулся? — в коридор выглядывает бледная Лиля. — Живой?

Не дожидается моего ответа и кидается в нашу с Матвеем спальню.

— Пап!

— Привет.

— Вещи собираешь? — глухо спрашивает Лилия, и я закусываю кончик языка, чтобы отрезвить себя болью. — И куда...

— В одну из корпоративных квартир, — глухо отвечает Матвей. — И поближе к офису будет... Хотя я возьму отпуск на пару недель. Толку от меня сейчас никакого. Лилия... Я пойму, если ты... Не захочешь меня видеть...

— Пап, — Лилия всхлипывает.

— Но я буду настаивать на совместной опеке, искать с тобой встреч, и участвовать в твоей жизни. Да, ничего не будет, как прежде, но я останусь твоим отцом, а ты моей дочерью. Никто из нас сейчас не понимает, как мы будем жить дальше, и нам всем...

— Она тебя приворожила.

Я уже сама готова поверить в любую глупость, если это хоть немного стянуло во мне черную рану.

— Прекрати, — голос Матвея становится тверже. — Ты умная девочка...

— У нее была твоя фотография!

— Лилия, — Матвей понижает голос до гневных ноток, — я не буду поддерживать этот глупый и нелепый разговор.

— А я своего мнения не поменяю, — упрямо говорит Лилия. — Ты не такой.

— Да у меня снесло крышу, Лилия! Но не из-за приворотов! И меня до сих пор несет! Я устал!

— Не ори на меня!

— А ты включи мозги, Лилия, — хрипло отвечает Матвей. — Или ты еще в Деда Мороза веришь?

— Может и верю!

— И что же ты кроссовки новые у меня просишь, — Матвей неожиданно смеется, — а не у Деда Мороза или, не знаю, у какого-нибудь лепреккона? Или, может, тебе пошептать и подуть на свечку? М?

— Да не нужны мне твои кроссовки!

— Да не о них речь! Тебе тринадцать лет! Вот и води себя на тринадцать лет! Да, наш брак с твоей мамой развалился! Каждый день подобное происходит, и никто не умер! И ты не умрешь! И мама не умрет! И я не умру! Да, больно и обидно, но не смей, Лилия, скатываться в чухню с приворотами, колдовством и прочей ересью!

— Видеть тебя не хочу!

— Вот! — Матвей рявкает. — Это ты и должна пережить! Гнев и ненависть!

— Козел! Вот и катись к своей шлюхе!

— Такого удовольствия я ей не доставлю, — Матвей хмыкает.

— Ну да! — взвизгивает Лиля. — Ты же ей уже доставил удовольствие!

— А вот это лишнее!

— Ну мне же тринадцать! И о том, откуда берутся дети, я в курсе, папуля! — ехидно отвечает Лиля. — Что, она тебя своими дойками заворожила? Конечно! Мама-то наша всегда строго и скромно одевается, а эта мразь... Ты похотливый урод! Вот ты кто! Обычный мужик! Обычный мужик, который устал от семьи! У которого мозгов нет! Ну что?! Так лучше?

Матвей в ответ молчит, а я закрываю глаза.

— Слабак! Ты слабак! Вот кто ты!

Лиля вылетает из спальни и рявкает:

— И дом останется у нас! Вот еще я школу не меняла из-за твоей гадины! Проваливай на все четыре стороны!

Резко разворачивается и возвращается в спальню:

— И я больше ни слезинки не пророню из-за тебя! Понял меня? И я тебе не желаю счастья! И жить я буду с мамой! И ты предал нас двоих! Ее и меня!

— Я знаю.

— Пошел ты!

Опять выбегает из комнаты, тяжело дышит и смотрит на меня, разъяренным волчонком:

— Ненавижу его!

С улицы раздается долгий сигнал автомобильного клаксона, и Лиля бросается к лестнице с тихим и отчаянным рыком:

— Он приехал с этой стервой!

Глава 16. Чуйка

Но нас у белого внедорожника с грязными каплями на капоте и боках под предрассветным небом ждет не Ия.

Нас ждет Юрий Пастухов.

В бархатном халате и домашних тапочках. Лиля резко притормаживает на крыльце, и я выхожу вперед, чтобы спрятать ее за своей спиной.

— Почти доброе утро, — Юра расплывается в улыбке.

В халате он выглядит толще, чем обычно. Все-таки рубашки и пиджаки подсобирали эту тушу, которая сейчас вальяжно подплывает к крыльцу.

— Разбудили?

— Что вы тут делаете?

— Матвея жду.

Минута недоуменного молчания, и я спрашиваю:

— И?

— И все, — пожимает плечами.

— Диалога с вами не выйдет, да?

— Отчего же? — Юра хмурится. — Какие вопросы, такие ответы.

— Иди в дом, — шепчу я Лиле, которая выглядывает из-за моего плеча.

Я не доверяю Пастухову. Он человек большого бизнеса, а в нем много жестокости, лжи и манипуляций.

— За папку волнуешься? — Юра щурится на Лиле, которая молча поджимает губы.

— По глазам вижу, что волнуешься, — беззлобно усмехается, — но каждый уважающий себя мужчина хоть раз в жизни должен после скандала с женой собрать манатки и гордо уехать, — замолкает и с тихой угрозой продолжает, — чтобы мозги прочистить.

Переводит взгляд на меня:

— Он не буянил?

— А должен был?

— А ты как думаешь, Ада?

Есть милые улыбчивые толстяки, и это совсем не про Юру. Он разжиревший крокодил, который проглатывает на завтрак, обед и ужин по человеку.

— Он уже свое отбуянил, — тихо говорю я.

— Наивная печенюшка, — хмыкает Юра. — Отбуянил бы, я тут не стоял. И поэтому я его и увезу, чтобы он херни не наворотил с тобой.

— Уже наворотил, — отвечаю я.

— О, милая, — Юра поглаживает щеку, — сунуть в кого-то свое хозяйство — это еще не наворотить дел. Есть вещи, куда хуже банальной измены.

— Измены с лучшей подругой, — цежу я сквозь зубы.

— Будто у подруг при дружбе все отверстия зарастают, — Юра смеется.

— Здесь моя дочь, — медленно выдыхаю я.

— Да, я вижу, — пожимает плечами. — И я думаю, что она уже в курсе того, для чего мужчина и женщина...

— Хватит, — сжимаю я кулаки.

— В курсе, — тихо отвечает Лиле.

— Знаешь, Ада, — Юра не сводит с меня изучающего и цепкого взгляда, — за моими плечами три развода. И каждый раз сносило крышу, и это при том, что у меня не было общих детей, любви...

— И тут нет любви.

— Дура, — цыкает Юра.

Я возмущенно вскидываю бровь:

— Простите?

— Дура, — четко повторяет Юра по слогам. — Теперь расслышала? Или мне еще раз повторить?

Хочу на нем сорваться. Накричать, закидать оскорблениями и выпустить весь гнев, который клокочет в груди, но вместо этого я невесело усмехаюсь:

— Ну, так-то дура, да. Не будь душой...

— Тебя не в ту степь понесло, — Юра качает головой.

На крыльцо выходит Матвей. Отступаю с его пути, а он притормаживает и смотрит на меня, крепко сжимая ручки дорожной сумки. Мне бы отвести взгляд, но я не могу.

— Уезжай, прошу... — глухо шепчу я.

Его глаза звереют и темнеют гневом, крылья носа вздрагивают, и он медленно выдыхает. Его дергает вперед ко мне, будто его пробивает разрядом.

— Матвей, — тянет Юра. — У нас был уговор, что ты себя ведешь прилично и без фокусов.

А Матвей тяжело сглатывает, разъяренным зверем всматриваясь в мои глаза, и я пошевелиться не в силах.

— Пап, — с затаенным страхом шепчет Лиля, и Матвей, дернув головой, оглядывается. — Ты меня пугаешь.

— Понял.

Спускается, и Юра терпеливо распахивает перед ним заднюю боковую дверцу. Закидывает в салон сумку, медлит несколько секунд и ныряет в кожаное нутро внедорожника.

Юра захлопывает дверцу, неторопливо обходит машину и оглядывается со снисходительной насмешкой:

— Не зря ты тогда так настаивала на том, чтобы Матвей поехал в отпуск. Чуйка все-таки сработала?

Глава 17. Но не от тебя

Я не должен уезжать.

У меня ведь есть возможность переиграть ситуацию в своих интересах.

Любого человека можно поставить в безвыходное положение, прогнуть, задавить и удерживать рядом, но...

Но это уже не будет той семьей, где спокойно, легко и уютно.

Хотя “спокойно, легко и уютно” перестало быть уже после возвращения Ады. Этот месяц был тоже своим кругом ада.

Кругом лжи, притворства и бессонных ночей.

Каждую ночь рука Ады на моей груди жгла калёным железом, а ее вдохи и выдохи отсчитывали секунды и минуты до момента истины.

Я должен был сам признаться, но...

Но я просто не мог.

И на что я надеялся?

Даже если бы Ия промолчала, то мы бы с Адой все равно пришли к разводу. Я отравил наш брак, и он уже начал гнить.

У нас не было шанса на то будущее, которое у нас еще было до того вечера, когда я пустил в дом Ию.

— Слушай, — шепчет Ада и накрывает мою ладонь своей.

На экране телевизора титры, на наших ногах — теплый и мягкий плед.

— Что?

Я почти засыпаю, и Ада разворачивает мое лицо к себе. Тревожно. Вглядывается в глаза и серьезно шепчет:

— Мы посмотрели с тобой такой дурацкий фильм. И признаюсь, я зря тебя заставила его смотреть со мной.

— Я бы не оставил тебя наедине с этим шедевром, — привлекаю ее к себе, и она кладет голову мне на грудь. — Может, это фильм из тех, чей смысл можно понять через годы.

Ада тихо смеется:

— Как поймешь, то расскажешь мне.

Не будет в нашей жизни больше дурацких фильмов по ночам. Именно в этом и есть смысл тех трех часов.

— Хорош там рычать, — фыркает Юра. — Тоже мне трагедию развели.

Откидываюсь назад, приглаживаю волосы и закрываю глаза. Машина съезжает на грунтовую дорогу, и мягко подпрыгивает на глубокой выбоине.

— Самое время пошутить, что я вывожу тебя в поле, чтобы закопать.

— Какие шутки, Юр?

— Подбери сопли, а.

— Я любил жену! — рывкаю я. — Ясно?! И я против развода!

— Да вот сдался ты ей сейчас такой психованный! — Юра тоже повышает голос. — Вам по разным углам проораться надо, или ты в запале своей великой любви ее убьешь! Нет, конечно, можно жену и в подвале запереть, на цепь посадить, но это не в твоём стиле!

— Я в курсе.

— Тогда мы решим сначала вопрос с твоей агрессией, как нам было посоветовано, а то ты устроишь такой цирк для дочери и жены, что они тебя точно возненавидят.

— Что ты ко мне прицепился?

— Во-первых, это не я посреди ночи к тебе явился, а, во-вторых, я пока не нашел того юриста, который бы тебя заменил. Я в поисках, Матвеюшка. И, в третьих, мне скучно, а тут такие страсти, — одобрительно хмыкает. — Развлекаюсь я так.

Через пять минут мы подъезжаем к автосвалке. Юра паркуется у ворот из рабицы, и сигналит. Из сторожки выглядывает щуплый старик, недовольно шурится и лениво выходит с термосом в руках.

— С утра пораньше с женой посрался? — открывает калитку, когда Юра выползает из машины.

— Не я.

Покидаю салон и с тоской смотрю на старые разбитые машины. Старик окидывает меня взглядом, хмыкает под нос и прикладывается к термосу.

— Пошли снимать стресс, — Юра хлопает меня по плечу и шаркает тапочками к калитке.

Мы петляем среди машин, и выходим к пяточку, который заставлен телескопными телевизорами, компьютерными мониторами, принтерами, столами, на которых расставлена грязная старая посуда.

— Держи, — старик протягивает мне прозрачный пластиковый шлем и белый комбинезон. — У меня тут все по технике безопасности.

Недоуменно оглядываюсь на Юру, который в руках с жуткой улыбкой держит кувалду.

— Вот тут, Матвеюшка, ты можешь себя совершенно не сдерживать.

— Он тут каждую неделю, — старик зевает. — Как с женой поругается, так приезжает.

— У Матвеюшки развод маячит.

— Тогда можно и тачки покрошить, — старик кивает на три развалюхи по правую сторону. — Стекла целые. Это, можно сказать, большая удача.

Выхватываю комбинезон. Торопливо и неуклюже облачаюсь в него, натягиваю на голову капюшон и надеваю шлем. От моего выдоха пластик немного запотевает.

— Ты потерял семью, Матвей, — Юра вкладывает мне в руки кувалду и медленно разворачивает меня к телевизору, что стоит на лакированном столе. — Ты мерзкий и подлый кобелина, который умрет в старости одиноким и очень грустным. И это только твоя вина... — замолкает и добавляет шепотом, — а бывшая красавица-жена выйдет второй раз замуж и родит парочку розовощеких карапузов, но не от тебя.

Глава 18. Получай, гадина

— Пойду, — Лиля встает со ступеньки, — школу-то никто не отменял.

— Глупости, — поднимаю на нее взгляд. — Какая школа, милая?

— А тебе на работу надо.

— Мы можем остаться сегодня...

— Чтобы что? — вскидывает бровь.

Я на несколько секунд теряю дар речи от того, насколько она похожа сейчас на Матвея в своей отрешенной мрачности.

Я не смогу ее насильно укутать плед и заставить прожить трагедию рядом со мной со слезами и горячим чаем. И понимаю, что надо искать для дочери психолога.

— Я тогда завтрак пойду готовить.

Мне остается сейчас только быть для Лили мамой. Не подругой, а мамой, которая приготовит завтрак, как готовила его каждое до всего этого безумия.

— Есть особые пожелания? — встаю и слабо улыбаюсь.

Лили хмурится, и я понимаю, что она сейчас борется с желанием психануть и послать меня под новой волной злости далеко и надолго.

— Я не знаю, — шепчет она и отводит взгляд. — Давай яичницу.

— Иди сюда, — привлекаю ее к себе и прижимаюсь щекой к макушке, которая пахнет клубничным шампунем. — Я люблю тебя.

Она не сопротивляется и не фыркает. И кажется, что и жизни сейчас в ней нет.

— Лили, — шепчу я. — Обязательно станет легче. И это правда. Сейчас главное - не натворить глупостей и помнить, что у нас будет завтра, послезавтра и много других дней. И там будет радость.

— Мы тоже виноваты... Мы не должны были уезжать без него... — жалобно всхлипывает. — И ты ведь не хотела ехать. Это все я... Мне же были нужны дурацкие фотографии для тупых понтов...

— И ведь хорошие фотографии получились, — с губ срывается истеричный смешок.

Обе замираем, когда слышим трель домофона, а затем кто-то стучит в калитку.

— Ада, — раздается тихий голос Ии.

— Иди в дом, — шепчу я и мягко толкаю напряженную и бледную Лилию к входной двери.

— Ада, Матвей не отвечает...

— Эта сука... — шипит Лилия.

— Милая, — обхватываю ее лицо и заглядываю в темные от ненависти глаза, — будь выше этого. Оно того не стоит.

— Ада, я хочу поговорить.

— Иди.

Дожидаюсь, когда Лилия, стиснув зубы, скрывается за дверью, и с тяжелым сердцем спускаюсь по ступенькам.

Я раньше восхищалась наглости и упрямству Ии. Я рядом с ней всегда была слишком отстраненной, осторожной и никогда не перла напролом.

Сейчас у меня нет в душе злости или ненависти. Я не хочу кидаться на Ию с кулаками, с криками и обвинениями, что она тварь.

Это ничего не изменит.

И свое я уже откричала. На полу рядом с Матвеем. Это была последняя дань нашему браку, в котором я могла показать себя слабой, никчемной и сломанной.

— Ада...

— Я иду, — шагаю к глухой калитке из кованых прутьев и черного полотна железа.

Скоро придется обрезать и выкапывать георгины и готовить наш уютный и небольшой сад к зиме. Этим должен был заняться Матвей, который любит копать с землей и цветами, но теперь, видимо, мне придется натянуть садовые перчатки.

— Ада, — говорит Ия, когда я открываю калитку.

Светлые джинсы, короткая футболка, кроссовки и ни грамма косметики, но мне почему-то в этой небрежной простоте кажется серьезная продуманность отчаянного образа.

— Матвей уехал, — тихо отвечаю и шагаю за калитку.

— Куда? — Ия отступает.

— Не знаю. Собрал сумку и уехал. И ты уезжай, Ия.

— Ада, я понимаю...

— Да ну? — слабо улыбаюсь.

— Я... Ада...

Скрип калитки, и к нам вылетает молчаливая и решительная Лиля. Отталкивает меня, натягивает ворот свитера на нос и вскидывает в сторону Ии вторую руку. Выпускает в ее лицо струю из небольшого черного балончика:

— Получай, гадина.

Я задыхаюсь от едких паров, кашляю, и глаза горят огнем. Ия истошно кричит, закрывает лицо руками и падает на колени, а после и вовсе валится на холодную брусчатку.

— Вот и твой подарочек пригодился, стерва! Нравится?

— Лилия! — взвизгиваю я, и с кашлем отворачиваюсь, когда она дает новый залп из перцового балончика. — Остановись!

Глава 19. Ошибки взрослых и детей

— Лиля! — выхватываю из руки дочери балончик, отбрасываю его в сторону и захожусь в диком кашле.

Из глаз ручьями текут слезы, каждый вздох обжигает носоглотку болью. Лилю тоже зацепило: содрогается в кашле, привалившись под крики Ии к калитке.

Сквозь мутную пелену слез вижу, как на светлых джинсах между ног Ии расплзается алое пятно крови.

— О, господи... — шепчу я.

Приближается собачий лай, который с криками Ии и рыданиями Лили сливается в какофонию ужаса.

— Муся, заткнись! — рявкает старушечий голос. — Боже! Да что тут у вас! Помогите!

— В дом! — набираю код на домофоне и заталкиваю Лилю на территорию дома. — Неси молоко!

На секунду я сама пугаюсь своего голоса. Лилиа пугается, глядя круглыми и заплаканными глазами на Ию, которая воет в ладони:

— Больно... больно... — кашляет и сипит, — помогите... кто-нибудь...

— В темпе, Лилиа!

К Ие рвется маленькая рыжая и пучеглазая собака, которую к себе дергает щуплая старушка с большой бородавкой над правой бровью:

— Муся!

Она привязывает поводок к одному из прутьев и кидается к Ие:

— Милая... Что случилось?! Господи! Да что ж творится с утра пораньше?!

— Хороший вопрос, — шепчу я и шарюсь по карманам дрожащими руками в поисках телефона, но не нахожу его.

Оставила дома.

Ия не лгала насчет беременности.

Меня выворачивает на брусчатку слизью от вида красного пятна на светлых джинсах.

Собака продолжает яростно таявкать.

Рвется маленькой бестией, задыхается в визгливом лае, и я опять выблеываю вязкую слизь с желчью.

Старушка верещит в кнопочный телефон, что тут напали на молодую женщину, и она истекает кровью.

— И, кажется, глаза... Что-то с глазами и лицом!

— Мам...

Как в тумане выхватываю из рук Лили холодный пакет молока, откусываю уголок, отплеываю его и отпихиваю громкую бабу в сторону.

— Людоедка! — рявкает она на меня. — Гадица! На людей бросаться! Что ты с ней сделала?

— Мам...

— Руки утери, — наклоняюсь к всхлипывающей Ие.

Лицо все красное, глаза заплаыли. Вся в слюнях, соплях.

Ни ненависти, ни жалости во мне.

— Добить решила? — взвизгивает старушка. — Оставь ее! Я вызвала скорую!

Лью на лицо Ии молоко. Она отфыркивается, опять воет и тянет руки к лицу.

— Глаза, дура, открой, — отстраненно говорю я и стискиваю ее скользкий от слюней и слез подбородок, фиксируя голову.

— Открой глаза!

Белки глаз в кровавой сеточке. Зрачки расширены. Захлебывается, кашляет, а я лью и лью молоко. Не замечаю, как опустошаю пакет и отбрасываю его в сторону. На брусчатке под Ией — белая молочная лужа, а на джинсах кровь.

Слышу сирену скорой. Закрываю глаза на несколько секунд под лай собаки и рыдания Ии.

Я так устала.

Матвей, я так устала. И если в тебе есть злость, то во мне ничего нет.

Тебя забрал Пастухов.

А меня? Кто меня вырвет из этой вязкой черной гнили, в которую я погрузилась по самую макушку?

— Маньячка... — шепчет старушка и подходит к Ие. — Милая, — пытается поднять ее с брусчатки.

Звуки сирены все ближе.

Я у калитки, набираю пин-код и захожу на территорию дома.

— Ты... убила моего... ребенка...

Скрип петель, и калитка заперта. На крыльце стоит бледная Лиля и прячет дрожащие руки за спину.

— Мам...

— Я же просила, — провожу ладонью по щеке и шее, — не натворить глупостей, доченька. Лиля, — слабо улыбаюсь я, — почему ты мне не сказала, что Ия подарила тебе перцовый балончик?

— Мам... Я не хотела... Я... не знаю... Мам...

Скорая уже тут. Собака лает. Старуха причитает. Ия воет о том, как ей больно, что она ничего не видит и что она потеряла малыша.

— Вот и твой отец тоже ничего не знает, — шагаю к крыльцу, еле передвигая ноги. — И он тоже всего этого не хотел. Ошибки — они такие. Понимаешь, что налажал уже после всего содеянного. Иди умойся, а я приготовлю завтрак.

Глава 20. Спустила пар

— Я должен вернуться, — отбрасываю кувалду и приваливаюсь к капоту старой бэхи.

— Куда? — Юра отплевавает шелуху подсолнечной семечки.

— Домой.

— А ты там нужен сейчас?

Да, сейчас у меня нет желания бить голыми кулаками о стену, тащить Аду в подвал, чтобы там ее запереть и никуда не выпускать, но... Я все еще чувствую себя беспомощным.

— Или ты уже готов к серьезному разговору с женой, — Юра меланхолично закидывает в рот очередную семечку, — и способен объяснить ей на пальцах, какого ляда полез на ее подругу? Да так, чтобы она прониклась и приняла тебя обратно, а после еще и нового пупсика родила?

— Какой же ты гандон.

— Начни с меня, — щелкает семечкой и выплевывает шелуху. — Какого черта ты отымел подружку жены? — переводит на меня спокойный холодный взгляд. — Я, как мужик, могу объяснить твою мотивацию, но представь, что перед тобой толстая и уродливая женщина, которой ты, мерзавец такой, изменил.

— Ты, мать твою, серьезно?

— А ты, мать твою, юрист, — Юра щурится. — Да, не адвокат, конечно, но по ушам умеешь ездить. Начинай, Матвей. Убеди меня, что я должен тебя понять и простить. Сейчас в роли толстой и уродливой тетки я пока хочу сковородкой тебя огреть по голове.

Я недоуменно моргаю в ответ. Нет. Лучше бы я знал Юру, как мерзкого и противного козла, на которого я работаю. В деловых вопросах я могу с ним вести диалог, а сейчас я в тупике.

— Ну, тогда развод, — Юра пожимает плечами и переводит взгляд на пяточок моего личного “апокалипсиса”. — Слушай, ты же у меня не первый такой.

— Чо?

— Ничо, — фыркает Юра и прячет руки в карманы халата. — Но у тебя-то ситуация другая. У тебя ранний брак, любовь, близкие отношения с женой и дочерью... Тебе нет смысла сейчас быковать, давить жену, угрожать ей. Ты и сам в курсе, что любого человека можно вынудить на свои условия, но... — вздыхает. — Ада не оценит тирана, который скрутит ее в бараний рог. У вас такая сюсю-мусю семья была.

— Сюсю-мусю?

— Я с женой тоже сюсю-мусю, — Юра косит на меня взгляд. — Сюсю-мусю — это хорошо, когда кругом черт знает что происходит. И ты свое сюсю-мусю потерял. И сам нихрена не понимаешь. Сам себе не можешь объяснить, что, идиотина ты похотливая, устроил. Это я все еще из образа толстой тетки не вышел. Последний шанс сказать мне, почему ты отымел подружку жены?

— Просто взял и отымел, — рычу в его щекастую и надменную рожу.

— Тогда хрен тебе на глупую рожу, а не примирение с женой, — зло щурится он. — Просто бери разводись и скачи по шлюшкам. Не нравится? Тогда, Матвеюшка, тебе надо поковыряться в себе. Ты сейчас не в адеквате. У тебя не будет диалога ни с женой, ни с дочерью, ни с самим собой. Развод — это не похороны. Улавливаешь?

— Не совсем.

— И ты ко всему прочему еще и отупел. Знаешь, — прикладывает руку к груди, — мне твоя личная жизнь до одного места, как говорить. Хоть оргии устраивай, но тебе надо вернуться в строй, потому что я не люблю менять людей, которых к себе приблизил. Ты человек семейный, и что-то мне подсказывает, что без семьи ты скатишься на дно, если все спустить,

как есть. Поэтому, — тычет мне пальцем в грудь, — давай-ка мозги прочисть. Подойди к своему разводу как к сложному проекту, в котором ничего непонятно и будто нет выхода. И начать тебе надо с твоей тупой башки, Матвей, в которой каша. Может, ты придешь к тому, что брак-то себя изжил и вам с Адой не по пути.

— Заткнись.

— Лучше с бывшей женой остаться друзьями, чем врагами, — устало вздыхает. — И разойтись близкими людьми, которые помнят хорошее и благодарны за прошлые годы, иногда куда сложнее, чем сохранить брак.

— Я не могу быть с ней. Мне и самому будет тошно, — гипнотизирую пыльную кувалду на земле, — но и позволить ей быть с кем-то... Нет, — хмыкаю. — Не позволю.

— Ты ее уже замуж выдаешь?

— Я в курсе того, как на нее смотрят мужчины, — расстегиваю комбинезон. — И старые, и молодые... — закрываю глаза, — я должен вернуться...

— погоди, — Юра выхватывает из кармана халата вибрирующий смартфон. — Да, дорогая?

— Я полезла в машину твоего чокнутого юриста, — из динамиков раздается встревоженный голос жены Юры. — Вдруг он труп прячет в багажнике.

— Прячет?

— Нет. Но я нашла его телефон под сиденьем. Разрывался от звонков.

— И?

— И там баба ревела и орала, что у нее выкидыш и что какая-то Ада на нее напала. Ада это кто?

— Жена, — Юра зевает и переводит на меня скучающий взгляд. — Кажется, твоя супруга тоже спустила пар.

Глава 21. Пришел спасать?

— Папа!

Лиля кидается ко мне, но на полпути тормозит и прячет руки за спину. Глаза - опухшие от слез.

Как же горько. И горько даже во рту.

Моя дочь испугана, а найти поддержку и защиту у отца уже не может.

Ведь я причина всего этого.

— Где мама?

— Она в кабинете, — Лиля трет нос, — завтрак приготовила и поднялась. Она злится на меня.

— За что?

— За то, что я твоей гадине перцовым баллончиком...

— Этим? — достаю из кармана небольшой черный баллончик, который поднял с травы у калитки.

— Да, — Лиля зло щурится, — этим. И я ни о чем не жалею.

— Ты еще удивляешься, почему мама злится, — шагаю к лестнице и прячу баллончик в карман. — И это незаконно продавать подобные приبلуды детям.

— Это мне твоя шлюшка подарила.

Оглядываюсь. Губы поджимает, а глаза блестят от слез. Пусть она хорохорится, но в ней уже мало ярости. Лиля хочет плакать, но ведь она мне обещала, что не прольет больше слез по папаше-козлу.

Я — моральный урод. Это слово выжигается в мозгу черными буквами, и я не нахожу, что ответить Лиле. Я хочу поймать ее сейчас, прижать к себе и пообещать, что все будет хорошо и что я все исправлю, но...

Но нам поможет только совместная семейная лоботомия.

— Ты должна быть для мамы сейчас опорой, Лиля.

— Мы с мамой сами разберемся.

— И ведь я уверен, что она просила тебя не лезть на рожон. Ведь так?

— Воспитывать решил? Себя воспитай для начала, — фыркает, встряхнув волосами, и скрывается в гостиной.

Слышу голоса и музыку. Телевизор включила.

И ведь права.

Начать стоило бы с себя.

Разве можно прислушиваться к словам отца, который разрушил семью? Я не просто потерял очки доверия перед своей дочерью.

Я ее саму потерял.

Поднимаюсь на второй этаж, медлю у лестницы и шагаю к двери, за которой меня ждет Ада.

Мне всегда нравился ее крохотный и уютный кабинет, в котором светло и тепло. Мы часто с Лилей прокрадывались к ней, когда она сосредоточенно проверяла тетрадки или готовилась к урокам, и сидели в уголке, наблюдая, как она хмурится, постукивает пальцами по столу и тихо вздыхает.

“Мама работает” — шептала в такие моменты Лиля, а после ползла под стол и неуклюже лезла к Аде на колени.

Ада никогда не злилась, не прогоняла ее. Целовала в макушку, ставила на смартфоне мультфильмы и возвращалась к работе, покачивая Лилию на коленях.

— Что ты тут делаешь? — Ада переводит взгляд с экрана ноутбука на меня, когда я вхожу без стука.

— Ты в порядке?

— Ты меня, что, спасти явился? — вскидывает бровь.

Проворачивает в моем сердце нож с мелкими острыми зубчиками.

— Тебе бы к Ие сейчас, — хмыкает на мое молчание, но глаза тронуты тенью отчаяния и тоски, — у нее, похоже, выкидыш. Поддержать бы тебе ее сейчас, а то коварная и жестокая подруга напала.

— Я слишком хорошо тебя знаю, — вглядываюсь в ее глаза. — Не в твоём стиле быть агрессивной дурой.

— Даже так? — усмехается. — Может, я патлы ей повыдирила и пару раз в живот пнула. Так сказать, аборттировать твоего ублюдка?

Меня аж передергивает от ее тона и слов, которые звучат с ее губ чужеродно и грубо.

— Ты не такая, — говорю я.

— И очень жаль, — переводит взгляд на экран. — В любом случае, чтобы она там не верещала, а про камеру она забыла. Или просто тупая.

Разворачивает ноутбук ко мне и поднимает взгляд:

— Я тут и без тебя разберусь, Матвей. И как жаль, что видео с камер хранится у нас только пятнадцать дней. Я бы с удовольствием посмотрела, как ты встречал Ию. Хотя ты бы все равно всё подтер за собой.

— Ты имеешь полное право злиться, — сдавленно отвечаю я.

На экране Лиля выскакивает из калитки, отталкивает Аду, вскидывает руку в сторону Ии, которая падает.

— Спасибо, что разрешил, мой милый, — подпирает лицо кулаком. — И раз ты при-скакал, то займемся вопросом развода? Не хочу тянуть. И у тебя ведь есть знакомые юристы, которые специализируются по таким щекотливым делам, как разводы?

У меня в глазах темнеет от волны ярости. В своем бессилии я сейчас могу наворотить таких дел, что Ада в дальнейшем и словом со мной не перекинется. И если я сейчас скрежещу зубами, шумно выдыхаю через ноздри, покрываясь красными пятнами гнева, то моя жена — отстраненная и холодная.

— Я думала, что сама найду специалиста, но решила, что наша семья должна пройти через развод вместе, Матвей, — едва заметно шурится. — И я жду от тебя, что ты понимаешь свою ответственность за произошедшее. У нас дочь, и я не хочу, чтобы она совсем потеряла веру в мужчин из-за отца, который может смешать ее мать с грязью, если этого пожелает. Давай выйдем из этого дерьма по-человечески.

Закрывает глаза на несколько секунд и тихо добавляет:

— Как мужчина и женщина, которые любили друг друга.

Глава 22. Нельзя так любить

— Ада...

— У нас нет другого выхода, Матвей, — тихо говорю я. — Мужем тебе мне не быть, но...

— Кем-то другим я для тебя не хочу быть.

Тошнит от его тихих слов и темного взгляда, в котором я не вижу любви, только гнев.

— Может, нам... — Матвей с трудом выдавливает из себя каждое слово, — на семейную терапию?

— Для Лили я найду психолога, — закрываю ноутбук. — И семейная терапия не сотрет всей этой грязи, в которой я искупалась. Доверие это не вернет...

К горлу подкатывает ком тошноты, который я с трудом сглатываю. Зря я не позавтракала. Желчь разъедает глотку и горчит на языке.

— Я понимаю, — Матвей отворачивается и пялится не мигая на стеллаж с папками. Повторяет, как в трансе. — Понимаю.

Душу бы дьяволу продала, лишь бы была возможность повернуть время вспять и заметить в Матвее то, что толкнуло его на измену.

— Мне надо сделать пару звонков, — переводит на меня черный от отчаянной ярости взгляд. — Знаешь, за пару дней до вашего с Лилей отдыха мне звонил мой одноклассник...

— Очень любопытно, — хмыкаю.

— Он сейчас работает юристом-медиатором, — горько усмехается. — Матерился, что его достали все эти разборки и дразги...

— И?

— Я тогда посмеялся, а стоило... прислушаться. Если это было не предостережение, то что? Столько лет не общались, а тут посреди дня звонок. И я ему пообещал, что встретимся. И ведь встретимся, — смеется. — Какая ирония, Ада. И он был на нашей свадьбе. Тимур.

— Как символично.

Неожиданно накатывает желание схватить ноутбук и разбить его о голову Матвея за то, что он предал ту восторженную девочку, которую в свадебном платье тащил на руках под пьяные крики и свист того самого Тимура: «Счастья, братуха!».

— Что же, теперь твой братуха займется нашими дразгами, — встаю и отстраненно улыбаюсь. — Мне нравится. Нажраться в сопли на свадьбе одноклассника, а затем через года готовить для него и его жены бумаги в суд. И ему, как специалисту по семейным обстоятельствам, должен понравиться тот факт, что ты отымел подружку жены. И это тот Тимур, который терся вокруг Ии на нашей свадьбе?

— Я не помню этого, — глухо и зло отвечает Матвей. — Мое внимание было сосредоточено только на моей невесте.

— Она, кажется, жестко его тогда отшила. Конечно, — недобро щурюсь, — она была влюблена в тебя.

— Заткнись! — Матвей с грохотом и рыком переворачивает стеллаж на пол.

Я вздрагиваю и сжимаю кулаки, чтобы унять в руках холодную дрожь в руках.

— Ты, сука, такая правильная, да? — рычит, глядя на меня исподлобья. — Непогрешимая. Плынешь среди обычных смертных королевой! Что, твоя идеальная семья оказалась на деле обычной? А твой мужик — мерзавец? Да, мать твою! Я такой! Что ты обо мне знаешь кроме того, что я дома милый и пушистый? Кроме того, что я муж и отец?! Что? Спряталась за мою спину и нихрена не знаешь, кто я там, — вскидывает руку на окно, — кто я там за стенами этого дома! С кем имею дело! С кем мне приходится работать!

Вскидываю подбородок и медленно выдыхаю.

— Да будь я принципиальным, то не вышел бы в серьезную игру! Того мальчика, за которого ты вышла замуж, давно уже нет! Он, сука, давно мертв и погребен под сомнительными сделками! Я несколько последних лет лишь играю самого себя! Я такая гнида, Ада, что могу бабульку лишит дома, если мне пообещают хорошую плату за мое умение перевернуть все с ног на голову! Только вот не обещают, поэтому работает Азарин с дяденьками, которые закупают людей в лесу за косой взгляд! Каждый день, мать вашу, я лавирую и хожу по грани!

— Матвей...

— И на сделке с Пастухом я должен был быть не потому, что он капризный урод! Ясно? А потому, что я должен был посвятить своим лицом перед теми, у кого я этот кусок земли увел! Потому, что я участвую в большой игре! Потому что я — человек Пастуха. И если его уберут, то и меня за ним пнут к чертям на вилы! И мой предшественник у Юры обдолбался и шагнул с крыши прямо посреди встречи! Просто, сука, встал, молча вышел, поднялся на крышу, закинулся чем-то и...

— Прекрати!

— Так вот, Ада, в тот день, когда мы закрыли сделку с Пастухом, я тоже хотел выйти в окно! — перешагивает через стеллаж, опирается кулаками о стол и поддается в мою сторону с диким оскалом. — Ты знаешь, голубое безоблачное небо может быть серым, когда за твоей спиной стоит жирный ублюдок, который ломает пальцы личным помощникам за незначительные ошибки в документах. Он при знакомстве с людьми всегда в первую очередь смотрит на пальцы.

Борюсь с желанием спрятать руки за спину. Мне страшно видеть в Матвее человека, в котором накопилось столько грязи, что она сейчас выплескивается из него глухими словами.

— И как это относится к твоей измене с моей лучшей подругой?

— Я бы, наверное, после той сделки мог бы и человека убить, если бы кто-нибудь повернулся под руки, — Матвей ухмыляется. — И я вас с Лилей отправил на отдых, потому что знал, что меня ждет и не хотел опять натягивать маску заботливого папули, который ужин приготовит за милой болтовней ни о чем.

— Не смей сейчас все сводить все к тому, что это я виновата, — цежу сквозь зубы. — Я выводила тебя на разговоры о работе, но ты сам свои ответы сводил к “все хорошо”.

— Я к тому, Ада, что у нас давно нет и не было доверия между нами.

— И ты к этому привел.

— И моя правильная и такая принципиальная жена когда познакомилась с Пастухом, даже не вякнула, что мне надо менять сферу деятельности, — Матвей всматривается в мои глаза. — Ты ведь сразу поняла, что он не милый толстячок. Ты тогда испугалась, но язычок в одно место засунула. Я ждал, что ты шепнешь ночью, что тебя Юра пугает, но...

— Не смей, — тычу пальцем в его бледное разъяренное лицо. — Ты все выворачиваешь... Речь идет о твоей измене! А не о Пастухе и твоей работе! Раньше стоило говорить обо всем этом! Не сейчас! Сейчас я хочу развода! Ясно? И о том, какой ты бедный и несчастный адвокат дьявола, говори не мне, а тому, кто за это нытье берет деньги! Не стану я тебя гладить по головке и жалеть! Ты уничтожил меня! Уничтожил мою семью! Наше будущее! И никто в этом кроме тебя не виноват! Ты сам выбрал на кого работать, молчать и сам выбрал отыметь Ию, и если бы ты вышел в окно, то это тоже было бы твоим решением. Только твоим!

— Как мы заговорили, — глаза Матвея недобро вспыхивают.

— И куда было бы человечнее, Матвей, утопить меня в какой-нибудь грязной луже, чем то, что ты сделал, — рычу в его лицо. — И звони своему брату Тимуру. Мне уже без разницы хорошей я была женой или плохой.

На столе вибрирует телефон, и на экране высвечивается имя “Ия”. Его хватает Матвей и швыряет в стену. Разлетается на три части. Матвей смотрит на меня, медленно выдыхая:

— Согласен, лучше бы я тебя утопил, Ада. Тогда на озере. Ведь я знал, что ни одну суку нельзя так любить.

Глава 23. Я в твоей голове

— Вызывайвай своего дружка, Матвей, — чеканю каждый слог. — Нас в любом случае ждет развод. Твоя принципиальная жена этого добьется. Без последних трусов останусь, но с тобой жить не буду.

— Но я же не исчезну из твоей жизни, Ада, — обнажает зубы в оскале. — И спасибо Лиле, что решила вопрос с Ией и ее ублюдком.

— Твоим ублюдком, — шурюсь на него.

— Даже если и так, — тихо отвечает он. — Мне насрать. У меня нет пиетета перед беременными сучками, если это не ты. Просто дырка. Кусок мяса.

— Падать ниже уже некуда, — в отвращении шепчу я. — Ты пробил дно.

— Ути бозе, — Матвей шурится. — Ты тут всепрощающую Мать Терезу разыгрываешь? Моего выродка решила пожалеть, или ты сочувствуешь своей подружке? Той подружке, которую я никак не мог отвадить от тебя? Ты же на мое мнение, что она мразь, большой и толстый положила. Прилепилась к ней и не отодрать было.

— Вот ты ее и отодрал, да?

— Сука! — переворачивает стол.

— Да ты ополоумел! Это мой кабинет! Козлина!

— Какие свои комплексы ты кормила? — вскидывает в мою сторону руку и сжимает подбородок. — Приятно было тешить эго, что ты серьезная замужняя дама? Нравилось вздыхать на встречах с Ией, что она обязательно найдет себя мужика и советы раздавала? Ты ведь так любишь советы, так любишь всех поучать с милой улыбочкой.

— Отвали! — отталкиваю его от себя.

— И теперь ты будешь других поучать, что надо с мужиками разводиться? — делает ко мне шаг, когда я отступаю к окну. — Будешь советовать не подпускать себе близко подруг, потому что они стервы? Да? Нацепишь на себя корону гордой разведенки. И признайся, Ада. Ты ждешь, что я полезу в бутылку и устрою тебе войну, чтобы жилы порвать и выйти якобы победительницей без последних трусов. Если брак, то по великой любви, а если развод, то в ненависти и борьбе.

— Да ты сам этого добиваешься, — скрежещу зубами.

— Я в этом сценарии сопьюсь, — Матвей усмехается.

— Да делай ты, что хочешь, только без меня, — вжимаюсь в угол.

— А как же пьяные крики под твоими окнами? — подходит вплотную и улыбается, как безумец. — Звонки посреди ночи? Слежка? Сообщения с угрозами и тут же словами о любви? Заявления в полицию, чтобы чокнутого бывшего, который ломится в твою дверь, закрыли? Потом меня найдут где-нибудь в канаве, и ты выдохнешь.

— Ты не в себе.

— Но этого не будет, — выдыхает в губы, вглядываясь в глаза. — Ты права, я не хочу, чтобы ты меня ненавидела. Это слишком просто, Ада, — пробегает пальцами по лицу. — Я все равно останусь мужем, пусть и бывшим. За этим словосочетанием “бывший муж” останется наша история, наш первый раз, наши ночи, в которых я массирувал твои ноги во время беременности. И ты к ним будешь возвращаться раз за разом. И в этих воспоминаниях я буду рядом с тобой, как и ты со мной. Развод не сотрет нам память, Ада.

Глотку схватывает спазм боли слез. Он прав.

— Воспоминания имеют свойства тускнеть, — выдыхаю я.

— Где-то за горизонтом, — шепчет Матвей мне на ухо, — меня ждешь ты...

Я задыхаюсь и, кажется, чувствую запах костра в ночи и вижу искры, что летят от вполюхов огня. Пальцы Матвея перебирают струны гитары, в голосе пробивается бархатная хри-

потца, а кутаюсь в его куртку. Утыкаюсь носом в ворот, вдыхаю терпкий запах парфюма и поглаживаю шершавую кору бревна, на котором сижу.

Через несколько строчек тихой песни Матвей положит гитару, решительно притянет к себе и поцелует. В первый раз и впервые я почувствую густое, жаркое желание к мужчине.

— Я в твоей голове, Ада, — губы Матвея почти касаются моего уха. — Я твой личной демон.

— Самодовольный индюк! — толкаю его в грудь.

— Мне надо вернуться за телефоном, — обходит перевернутый стол, перешагивает через стеллаж и заброшенные папки и у двери оглядывается. — И я напишу тебе, когда назначу встречу.

— Ты разбил мой телефон, истеричка, — едва слышно отзываюсь я.

— На домашний позвоню, — пожимает плечами. — Или Лиле. И не злись на нее, — ухмыляется, — хотя... у меня тогда будет больше шансов быть хорошим папочкой, который спрячет ее под крылышко от плохой мамочки, — подмигивает с усмешкой и выходит, бесшумно прикрыв за собой дверь.

— У меня все будет хорошо! — выскакиваю за ним. — У нас с Лилей все будет хорошо! И ты не станешь тем, по кому я всю жизнь буду тосковать!

Оглядывается:

— Я был хорошим мужем, хорошим любовником, хорошим отцом, — щурится. — Есть по чему тосковать, Ада. Ты со мной стала женщиной и матерью. Твоя юность принадлежит мне. Многого тебе больше не испытать.

— Испытаю другое. На тебе моя жизнь не закончится, — шумно выдыхаю и поджимаю губы.

— Посмотрим, — разминает шею и спускается по лестнице. — Мне нравится твоя самоуверенность.

Глава 24. Неожиданно

— Неожиданно, — говорит Тимур и нервно приглаживает галстук.

Так странно. Я его помню другим. Тощим, шепотным и громким, а сейчас раскабанел и в черных коротких волосах пробила редкая седина.

— Мне тут обязательно находится? — шипит Лиля маленькой злой змеей.

— Обязательно, — отвечаю я. — Выскажешь свои пожелания.

— Ребят, вы серьезно? — Тимур переводит взгляд с меня на Матвея. — Какой к черту развод?

— Самый обычный, — поправляю ворот блузки.

— Нет, я сегодня точно нажрусь, — Тимур медленно моргает.

— Никаких материальных претензий к Матвею я не имею.

— Началось, — Матвей закатывает глаза.

— А я имею, — Лиля скрещивает руки на груди. — Дом наш. Я не хочу менять школу.

— Значит, мы еще пропишем, что его содержание на мне, — Матвей ослабляет галстук.

— Нет, вы издеваетесь.

— И я настаиваю на совместной опеке, — глухо говорит Матвей.

Лиля в ответ кривится:

— Жить я буду с мамой, а ты плати алименты и радуйся жизни.

— Ты моя дочь, Лиля.

— Только не жопся на алименты, — она в ответ с издевкой вглядывается в его глаза и цедит сквозь зубы, — чтобы мне на кроссовочки хватило.

— Лиля, — шепчу я.

— И на туфли маме, — добавляет Лиля. — Мне кроссовки, ей туфли. И еще ты платишь за школу, ведь ее ты выбрал. И, так уж быть, откроешь счет лично для меня. На образование там, на квартирку.

— Лиля...

— Что? — вскидывается она. — Это его обязанность! Не обеднеет!

— Дети, — вздыхает Матвей, глядя на Тимура, который нервно щелкает ручкой. — У тебя самого есть?

— Мои еще мелкие для таких разговоров. Один соску сосет, второй погремушку грызет.

— Они быстро растут.

— Это точно, — Тимур вздыхает и переводит мягкий и приветливый взгляд. — Лиля, я понимаю, что ты сейчас злишься, но твои родители останутся твоими мамой и папой. И твой отец имеет полное право участвовать в твоём воспитании. Да, твое мнение насчет того, с кем ты хочешь жить, будет учитываться в суде, но...

— Да поняла я, — Лиля передергивает плечами. — Никто ему не запретит играть папулю и права качать.

— Не права качать, а быть и участвовать в твоей жизни, — мрачно отзывается Матвей.

Смотрят друг другу в глаза. Упрямые, злые и непримиримые.

— Вот и будешь материально участвовать в моей жизни. И у меня не будет никаких обид.

Врет. Не деньги ей нужны. Она лишь хочет покусать Матвея да побольнее, чтобы ей самой хоть чуточку стало легче.

— Я люблю тебя, Лиля, — тихо отвечает Матвей и вглядывается в ее глаза.

— Отстань, — скрещивает руки на груди и отворачивается.

А губы дрожат. В глазах — слезы. Поджимает губы и медленно выдыхает, сдерживая в себе истерику.

— Притязаний на бизнес Матвея у меня тоже нет, — смотрю на Тимура, который опять щелкает ручкой. — И на нашем семейном счете, наверное, лишь процентов десять моих.

— Жена у меня очень гордая, — Матвей тяжело вздыхает.

— Ну, я же за тебя по любви вышла, а не из-за денег, — кидаю на него презрительный взгляд. — Жаль, что отсудить любовь у человека обратно нельзя. Так бы я с тебя по полной спросила. Если я и вложила в тебя, то только любовью, лаской и доверием, но это все нематериальное.

Тимур вздыхает и проводит ладонью по коротким волосам. Встает, подходит к комоду у окна и наливает себе воды из графина.

— Лучше бы в грузчики пошел, — делает глоток. — Честное слово.

— Давай еще скажи, что услуги Тимура и весь бракоразводный процесс о платим пополам, — Матвей буравит взглядом статуэтку бронзового коня на столе.

— Ну, ты же против развода, — зло шепчу я и пожимаю плечами. — Тогда расходы на мне.

— Я же — причина развода, — переводит на меня тяжелый взор, — тогда я, как джентльмен, возьму расходы на себя.

— Как благородно, — шурюся на него. — У меня аж сердечко ёкнуло.

— Вы мне испортили день, — Тимур разворачивается ко мне. — И я сейчас говорю не как юрист, а как человек. Вы все просрали.

— Он просрал, — Лиля кивает на Матвея.

— Я тебя, как ребенка, из уравнения семейных отношений убираю, Лиля, — Тимур хмурится, — но, как бы жестоко это ни звучало, в крахе семьи всегда участвуют двое взрослых людей.

— Я начинаю сомневаться в твоей профессиональной пригодности, Тимур, — невесело хмыкаю я. — Ты сейчас включил мужскую солидарность. Твоя задача с нами быть беспристрастным.

— Да я на вашей свадьбе песни пел! В туалете блевал!

мне остается лишь натянуто улыбнуться его гневным словам.

— Семейный счет переоформим на Аду, — со лживым спокойствием перебивает его Матвей.

— А я имею полное право с вами не работать, — Тимур отставляет стакан.

— Мы к другому пойдем, — приглаживаю волосы. — И зря ты. Ты можешь хорошо так содрать с Матвея. Он сейчас будет очень щедрым, чтобы показать, насколько он джентльмен.

— Точно, — усмехается Матвей в ответ. — Ты же еще можешь миленько так стервозить.

— Разведите их, — Лиля поднимает отчаянный взгляд на Тимура. — Я уже устала.

Тимур возвращается за свой старенький хлипкий стол, опирается локтями о стол и накрывает лицо ладонями. Вдох и выдох, и через несколько секунд на нас смотрит беспристрастный юрист.

— Что же вернемся к нашим баранам. Прошу меня извинить за минутную слабость.

Мои любимые читатели! Я вам благодарна, что вы со мной, и зову вас в новую книгу. "Развод. Ты предал нашу семью" <https://litnet.com/ru/reader/razvod-ty-predal-nashu-semyu-b454112?c=5231947>

Аннотация:

— Прости, что? — отставляю стакан. — Кто отец?

— Ты все услышала с первого раза, — мой муж не отводит прямого и тяжелого взгляда.

— Может, у меня слуховые галлюцинации, милый? — провожу ладонью по гладкой каменной столешнице и медленно проговариваю. — Твоя студентка ждет ребенка, и его отец — ты?

— Да.

У нас за плечами пятнадцать лет брака, три ребенка. Два сыночка и лапочка-дочка. Как в сказке. Было, как в сказке.

Глава 25. Она от нас не отстанет, крыса

Сижу в тесной кабинке на унитазе и беззвучно глотаю слезы.

Это несправедливо, что у меня нет даже права кричать, рыдать и биться головой о стену.

Моя жизнь разрушена.

Я потеряла мужа и подругу.

Я знаю, что выплыву, но мне тоже нужна поддержка. Теплые слова, понимающие объятия и просто, чтобы кто-то утер слезы.

— Мам...

И меня злит, что даже при благоприятных обстоятельствах мне придется ждать три месяца до того момента, как Матвей перестанет быть моим мужем. Это долго. Слишком долго.

— Мам.

— Что?

— Я могу сменить фамилию?

Встаю, вытираю слезы и медленно выдыхаю. После делаю вид, что смываю воду в унитазе.

— С этим будут сложности, — выхожу к насупленной Лиле, — и придется получить разрешение твоего отца. Как ты думаешь, он его даст?

— Нет, — приваливается к стене и скрещивает руки на груди. — Козел.

Включаю холодную воду и подставляю под нее ладони:

— И это не отменит того факта, что он твой отец.

Смотрю на Лилу через отражение:

— Я знаю. Очень хочется сделать ему больно в ответ, но принесет ли тебе это радость?

— Может быть.

Умываюсь и прижимаю к глазам бумажные салфетки.

— А что с Ией?

— Я не знаю.

— Думаешь, у нее... правда был выкидыш?

— Не знаю, — вытираю щеки и медленно выдыхаю.

— И что будет дальше?

— Не знаю, — разворачиваюсь к Лиле и выкидываю салфетку в урну. — Будет, наверное, заявление на меня.

— Но это ведь я...

— Мне в любом случае прилетит. Я за тобой не уследила. Не так воспитала. Возможно, тебя на учет, а меня вежливо попрут с работы. Я же в элитной школе работаю, и учительница, чей ребенок на учете стоит, бросает тень.

— Мам, я не подумала...

— Да, ты не подумала обо мне, — слабо улыбаюсь. — Вы с папой очень взрывные и спонтанные. Да?

— Я не хотела.

— Хотела, — всматриваюсь в ее глаза. — Ты хотела навредить Ие, и ты это сделала. И твой папа тебя в этом поддерживает. Вероятно, он решит вопрос со своей потаскухой так, чтобы все замаяли даже если она, сука такая, ослепнет, поэтому не переживай. И у тебя сейчас такая хорошая возможность пойти во все тяжкие, Лиля. Папуля из-за чувства вины будет тебя отмазывать от любой грязи. Ты будешь фигней страдать, а он с тобой носиться.

Щурится на меня.

— Ты пойдешь к психологу, Лиля, — твердо шепчу я. — Я готова поддержать тебя в обиде, слезах, обнять и поплакать вместе, но потакать капризам и проступкам, которыми ты будешь что-то доказывать отцу, я не стану. Услышь меня, и будь для меня дочерью, а не врагом.

— Я не хочу к психологу...

— Да, хочется все крушить? Мне тоже. Мне в запой хочется уйти. А лучше бросить все и укатить на Мальдивы.

— Но ты взрослая.

— Вот я, как взрослая и как мать, отправлю тебя к психологу. Я беру ответственность за дальнейшее твое поведение и предугадываю новые сюрпризы. Скатишься по учебе, будешь лезть в драки, провоцировать учителей на конфликты, начнешь прогуливать уроки. Тебя потянет в плохую компанию, найдешь на пятую точку приключений, и все это ради того, чтобы обратить на себя внимание отца. Чтобы наказать его. Чтобы вырвать из него с кровью и мясом его заботу и любовь.

Вскидывает подбородок.

— Ты будешь изводить нас, чтобы мы вновь и вновь сталкивались лбами. Чтобы мы были жалким подобием семьи, вытаскивая тебя из дерьма. Если не в мире мы будем близкими людьми, то в войне против дочери. Ты разрушишь себя, нас и в итоге ты не получишь того, что мы потеряли, Лиля.

На глазах проступают слезы.

— Ты пойдешь к психологу, — тихо повторяю я. — Надо не разрушать последние обломки, а сберечь их, иначе мы останемся без ничего.

— А ты... ты пойдешь к психологу?

— Пойду, — вздыхаю я. — Мне тоже надо с кем-то обо всем поговорить. Покричать, порыдать. Обсудить свои комплексы.

— Ладно, тогда и я пойду... — Лиля отворачивается и поджимает губы. Молчит и шепчет. — А папа?

— Папе к психиатру надо, — стискаю холодными пальцами переносицу до боли. — Там психолог уже не поможет.

— Да, психует...

Опираюсь руками о раковину и дышу с закрытыми глазами.

Матвей теперь для меня лишь отец нашей дочери.

Он больше мне не муж, с которым я буду планировать свою жизнь.

— Ты сейчас опять будешь ругаться, но я думаю, что Ия его соблазнила. И не было у нее выкидыша.

— Если бы только в этом было дело, Лиля, — горько усмехаюсь. — Ия не причина, она следствие. Против любых соблазнов можно бороться, если ты любишь и уверен в своей женщине.

Замолкаю, и через несколько секунд шепчу:

— Его несет. И несет, похоже, уже давно.

— И, выходит, мы его сейчас бросаем?

— Не знаю, — едва слышно отзываюсь. — Может быть. Но я в любом случае его уже не удержу.

— Мам...

— Что?

— Ты будешь против, если я буду с ним встречаться?

— Он твой отец, Лиля.

— Он больше не будет для меня прежним.

— Но он любит тебя.

Лиля всхлипывает, прижимает ладони к лицу, и я ее обнимаю. Целую в висок, и она захлебывается в слезах:

— И что с нами теперь со всеми будет?

И только я хочу сказать, что все будет хорошо, как в кармане Лили играет модный рингтон.

И я знаю, кто это звонит. Скулы сводит ненавистью и раздражением.

— Это опять она, — сипит Лиля. — Она от нас не отстанет, крыса.

Глава 26. Я знаю, что ты дома

— Матвей, — вздыхает Игорь. — Ты вокруг да около ходишь.

Игорь — тот самый мозговправ, которого вызвонил ночью Юра. И он не психолог, не психотерапевт, а психиатр. И сейчас после Тимура я явился к нему в клинику. Буквально ворвался, а, похоже, ждал, потому что совершенно не удивился.

Либо психиатры все такие. На своей волне.

— Я хочу убить собственную жену.

— Проблема не в этом.

— А в чем.

— В твоей измене.

И он как-то подозрительно отступает к окну. И только сейчас я понимаю, что в его кабинете разгром.

— На третий раз я санитаров не прогоню, Матвей.

Блеклый мужик, только глаза — цепкие и внимательные. Вот его если и можно узнать в толпе, то только по его глазам.

— Третьего раза не будет? — спрашивает он.

— Я не понимаю.

— Ладно, — придвигает кресло и садится возле перевернутого стола. — Давай попробуем еще раз поговорить о твоей измене. Расскажи о ней.

— Я просто отымел подругу жены, — клоочу я и сжимаю кулаки. — Что, мать твою, в этом непонятного?

Может, мне свернуть ему шею? Разбить лица, переломать руки и ноги? Может, тогда мне станет легче.

— Я хочу подробностей.

Меня накрывает новая волна ярости, и мне тяжело дышать.

— Она пришла...

— И? — после минуты молчания спрашивает Игорь. — Что дальше?

— Дальше я ее отымел.

— Какое на ней было белье?

— Не твое дело! — повышаю голос.

— В каких позах было соитие?

— Я здесь не за этим! Я не буду говорить о том, как и в каких позах я это шлюху нагибал! — Рычу я.

— За этим.

— Да мать твою!

— Я мужчина, Матвей. У меня тоже были женщины, и ты меня ничем не удивишь. Как мужчину и как психиатра, который читает для студентов лекции о сексуальных девиациях, — голос Игоря спокойный и монотонный. — Какое белье было на подружке твоей жены, когда она пришла?

— Да какая разница? Пусть будет красным, — выдыхаю я, ставлю перевернутый стул и сажусь.

— Пусть будет? — уточняет Игорь.

— Да.

— А вдруг черное? Или она пришла без него?

Голова гудит, и я просто хочу встать и уйти, но мне нужна помощь. За своим отчаянием и яростью я теряю самого себя. Пусть закинет в меня волшебную таблетку.

— Ладно, просто тогда расскажи о том вечере, с которого все началось?

А я не хочу возвращаться в этот вечер даже мыслями, и я отказываюсь говорить.

— Любопытно.

— Я не хочу об этом говорить и вдаваться в какие-либо подробности. Не потому, что мне стыдно, а потому что просто не хочу.

— Или просто не можешь? — Игорь мягко улыбается. — Ты напряжен, и твоя психика все блокирует, потому что тебе больно? Ты потерял жену, и не хочешь признать, что ты виноват.

— Я признаю, что виноват.

— На словах. Отсюда и твоя агрессия. И раз не виноват, то не о чем и говорить.

Медленно выдыхаю через нос.

— Давай так, — Игорь скрещивает руки на груди, — снимем с тебя груз. Расслабим тебя.

— О чем речь?

— Я медикаментозно заставлю тебя разговориться. И плюс немного магии. Мягкого гипноза. Я хочу залезть в тебе в голову и узнать, какие были трусы на подружке твоей жены.

— Ты издеваешься?

— И обещаю, это куда безопаснее чем то, в каком состоянии ты сейчас, — Игорь опять улыбается. — Не выходит у нас без лишней возни посплетничать по-мужски. Ты очень скрытный человек, а скрытные люди живут мало. Либо я дожидаюсь очередного приступа. Прибегают санитары, вкалывают тебе успокоительное и тебя закрывают, а я, как любопытный маньяк, все равно добиваюсь от тебя ответов.

— Меня отпустит? — руки на моих коленях дрожат от перенапряжения.

— Да. Исповедь для этого и придумали, чтобы было легче.

— Давай, — закрываю глаза, — вкалывай свою дрянь.

— Тогда ложись на диванчик, — встает и шагает к двери. — Я через пять минут вернусь.

Я будто в каком-то абсурдном сне, который никак не закончится. Я лежу на диванчике среди хаоса и жду странного психиатра с волшебным укольчиком, чтобы выплеснуть ему под дурманом что-то кроме дикой злости.

— Закатай, рукав.

Вздрагиваю от тихого голоса Игоря, который садится на край диванчика. Он перевязывает мою руку жгутом, вводит тонкую иглу шприца с желтоватой жидкостью.

— Тебе покажется, что рука немеет.

Но немеет не только рука, но и все тело, а после на меня наваливается дикая слабость.

Игорь подкатывает кресло к диванчику, копается в телефоне и из динамиков раздается тихое тиканье.

— Пока просто слушай.

Мозг в голове будто разжижается, а тела я вообще не чувствую, и тихое тиканье утягивает в мягкий и густой поток транса.

— Матвей. Ты спокоен, умиротворен.

И да, во мне больше нет ярости. Во мне в принципе нет никаких сейчас эмоций.

— Мы можем вернуться в тот вечер?

— Да...

— Где ты сейчас?

— В гостиной, — шепчу я. — В кресле.

Я чувствую под рукой не дермантин дивана, а мягкую ткань подлокотника. В гостиной полумрак, и я смотрю прогноз погоды. Нет. Я просто пялюсь на мужика в костюме на фоне карты и значков осадков.

Послезавтра возвращается Ада с Лилей.

— Я только поужинал.

— Что у тебя было на ужин, Матвей?

— Я заказал китайской еды, — тихо отвечаю я. — Острую лапшу с говядиной. И у меня сейчас изжога. Я выключаю телевизор, беру телефон, чтобы позвонить Аде, но...

Палец замирает над контактом жены, когда раздается противный звук домофона, а на экране смартфона высвечивается сообщение.

Ия: “Это я, и я знаю, что ты дома.”

Глава 27. Всё было не так

Я смотрю на себя со стороны.

Я сижу в кресле, откладываю телефон и вновь пялюсь в телевизор. Ничего не знаю, меня нет дома.

Изжога нарастает. Отрыжка дерет горло крупной наждачкой, и я с трудом сглатываю. Зря я заказал китайской еды.

Мне даже лень встать и выключить домофон, который продолжает противно тренькать.

Какая же она настырная.

Телефон вновь вибрирует, и встаю.

Через несколько секунд я отвечаю по домофону:

— Что?

— Открывай, медведь, сова пришла, — голос у Ии легкий и веселый. — Зарос там, поди, пыль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.